

Валерий Дашевский

ВТОРАЯ АРМИЯ

ЗАПИСКИ О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ

ЧАСТЬ 1

18+

Валерий Дашевский

**ВТОРАЯ АРМИЯ. ЗАПИСКИ
О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ. Часть 1**

«Автор»

2026

Дашевский В.

**ВТОРАЯ АРМИЯ. ЗАПИСКИ О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ. Часть 1 /
В. Дашевский — «Автор», 2026**

Эта книга не очередная журналистская хроника ближневосточного кризиса. Перед вами сугубо прикладное интеллектуальное исследование и военно-правовой чертеж, препарирующий природу современной асимметричной войны и метаструктуру террора. Автор — гражданский аналитик и писатель — предлагает безжалостный антропологический диагноз цивилизационному тупику, в котором оказались современные технологические государства перед лицом гибридных угроз. В основе исследования лежит концепция деконструкции «индустрии жалости» и международной леволиберальной правозащитной бюрократии. Книга адресована военным стратегам, офицерам спецслужб, специалистам в области национальной безопасности, юристам-международникам и политическим теоретикам. Книга возвращает военную мысль фундаментальный принцип конечности причины, написана языком, свободным от политической корректности, и представляет собой готовую доктринальную основу для перехода от пассивной обороны к стратегическому принуждению противника к реальности.

© Дашевский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	39
-----------------------------------	----

Валерий Дашевский

ВТОРАЯ АРМИЯ. ЗАПИСКИ О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ. Часть 1

Валерий Дашевский

«ВТОРАЯ АРМИЯ»

ЗАПИСКИ О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ

«Даже сотни удивительных частных эдвокаси-инициатив¹ – военные кампании, добровольно снимаемые видеоролики и другие действия, которые используют граждане, чтобы заполнить вакуум – не могут выиграть пропагандистскую войну на мировой арене.

Поэтому Израиль должен создать вторую «ЦАХАЛ»: «Армию информационной защиты» —

орган, который превратит любительскую пропаганду в острую и решительную профессиональную руку,

которая будет распространять ужасы до тех пор, пока граждане свободного мира не поддержат нас. Чтобы убедить мир в нашей правоте, эта армия задействует лучшие умы и возможности, которые здесь существуют».

Полковник Оded Гершкович

11.13.2023, 11:23, Обновлено 11.13.2023, 11:35

«...мы должны вынести невыносимое и пережить непереживаемое».

Император Хирохито в историческом радиообращении к нации

«Гёкуон-хосо» от 15 августа 1945 года

«Израиль никогда не сможет достичь на Ближнем Востоке момента, сравнимого с «завоеванием Берлина»,

то есть одержать решающую победу в войне, подобную той, что одержали союзники во Второй мировой войне; момента, который радикально изменил бы политическую культуру региона в отношении стремления соседних стран и организаций уничтожить Государство Израиль.

Это означает, что ни одна победа в какой бы то ни было войне не гарантирует раз и навсегда,

что Израиль больше не столкнётся с угрозами своему существованию.

Более того, Первое поражение Израиля вполне может стать для него последним —

и это, безусловно, так, если его территория

окажется завоеванной арабскими или исламскими силами.

Это не относится ни к одной арабской стране, которую Израиль

мог бы победить и оккупировать.

Таким образом, Израиль обречён планировать следующую войну уже по окончании

¹ Эдвокаси – это организованные действия с целью изменить политику, установленный порядок или отношение к чему-либо путем предоставления доказательств и аргументов в пользу изменений и описания необходимых изменений

любой войны, в которой он участвует, независимо от того, насколько успешной она оказалась; и в каждой войне он должен одержать победу, несмотря ни на что».
Глосса.

«Кто бы подумал, что буря свирепствует тем сильнее,
чем дальше позади остается рай?»
Андерсон «Воображаемые сообщества.»

1.

БЕЗДНА И МГЛА.

Я дал названию книги подзаголовок «Записки о будущей войне», помня римское «Хочешь мира, готовься к войне» «*Si vis pacem, para bellum*» Публия Флавия Вегетия Рената, римского историка и военного теоретика, и поучительное место из книги IV его трактата: «XXIV. Существует ещё один вид нападения — подземный и скрытый, который они называют «кроличьей норой» по аналогии с зайцами, которые роют под землёй норы и прячутся в них. Тогда под предлогом ведения горных работ задействуется множество людей, причём бессийцы с большим усердием исследуют жилы золота и серебра. С огромным трудом вскрывают землю и, выкопав углубление, прокладывают адский путь, ведущий к гибели города. Этот обман состоит из двойной засады. Ибо либо они проникают в город и ночью, пока горожане ничего не подозревают, выходят через туннель и, распахнув ворота собственного города, вводят свою армию и убивают врага в его же домах, застав его врасплох, либо, достигнув фундаментов стен, подрывают значительную их часть, укладывая сухие бревна и с помощью временных укреплений предотвращают обрушение стены; они также привязывают виноградные побеги и другое горючее для разжигания огня; затем, когда воины готовы, они поджигают эти укрепления, и, когда стена внезапно рушится из-за сгоревших деревянных столбов и досок, открывается проход для прорыва. XXV. Бесчисленные примеры показывают, что враги, проникшие в город, зачастую уничтожаются до последнего человека. Это, несомненно, происходит, если горожане удерживают стены и башни или занимают возвышенности. Ибо тогда из окон и с крыш люди всех возрастов и полов обрушиваются на нападающих камнями и другим оружием; не выдерживая этого, осаждающие, как правило, открывают городские ворота, так что, лишившись возможности бежать, они перестают сопротивляться. Ибо отчаяние — это некая необходимость для мужества. В данном случае единственная помощь горожанам, независимо от того, врывается ли враг днём или ночью, — это удерживать стены и башни, занимать возвышенности и обрушиваться на врага со всех сторон, когда тот пробивается через улицы и площади»². Смыслы трактата кажутся трюизмами: сильная армия и готовность дать отпор удерживают врагов от нападения, настоящий мир возможен только тогда, когда страна способна защитить себя. Так думали мы до недавнего времени, пожалуй, только теперь начиная осознавать, что в развязанной не нами войне не побеждают армии, способные разгромить врага, но не сломить и уничтожить. Причины были столь глубинными при кажущейся само-

² В оригинале сказано: «Таким образом, кто хочет мира, пусть готовится к войне». Выражение взято из трактата «Краткое изложение военного искусства» римского писателя Флавия Вегеца Рената (IV век н. э.), цитата взята из перевода С.П. Кондратьева ««*Qui desiderat pacem, praeparet bellum; qui uictoriam cupit, milites imbuat diligenter; qui secundos optat euentus, dimicet arte, non casu. Nemo prouocare, nemo audet offendere quem intellegit superiorem esse pugnaturum*» «Итак, кто желает мира, пусть готовится к войне; кто хочет победы, пусть старательно обучает воинов; кто желает получить благоприятный результат, пусть ведет войну, опираясь на искусство, а не на случай. Никто не осмеливается вызывать на бой или обижать того, о ком он знает, что тот одержит победу, если будет сражаться»».

очевидности, что я написал книгу, чтобы понять их самому, и чтобы они были поняты до конца прежде всего людьми, принимающими решения в нашем Мировом городе, от которых зависит его оборона. В начале книга вышла в двух частях. Ей предпослали аннотации, в которых описали ее, думаю, лучше, чем сумел бы я, как всякий автор убежденный, что книга говорит за себя сама и чувствующий нечто вроде смущения или стесненности, когда до аннотаций доходит дело: ««МГЛА» — беспрецедентное философское исследование, впервые предлагающее системную онтологию ненависти как тотального способа существования («бытия-в-ненависти»). Автор отходит от классических трактовок ненависти как аффекта, переходя к анализу глубоких деформаций материи человеческих отношений. Предметом первой части является бескомпромиссная деконструкция феномена «палестинства» и так называемого «сопротивления». Сквозь призму фундаментальной философии и психопатологического анализа препарирую коллективное бессознательное данной этнической группы, вскрывая механизмы арабского ресентимента. В работе доказывается, что мы имеем дело не с политическим конфликтом, а с клиническим статусом бытия, где деструкция становится единственным смыслом самоидентификации. Это исследование — хирургически точный диагноз современной цивилизации, написанный впервые. Автор проводит полную инвентаризацию механизмов ненависти, выбирая в качестве полигона для анализа наиболее острую точку современности. Вторая, финальная часть монументального исследования известного писателя и философа Валерия Дашевского «МГЛА. Учение о ненависти» переводит метафизический диагноз в плоскость хирургически точного, судебно-антропологического профайлинга. Автор предлагает принципиально новый понятийный аппарат для деконструкции тотального зла, взламывая симулякры международной политики и левой повестки. В фокусе исследования — глубинная анатомия катастрофы 7 октября, исследуемая через призму концепций Мишеля Фуко, Джорджо Агамбена и антропологии террора Аллена Фельдмана. Валерий Дашевский препарирует «бытие-во-лжи» палестинского анклава, вводя фундаментальное понятие «пространство надругательства», и формулирует неумолимый онтологический приговор — Закон конечности причины. По глубине и бескомпромиссности анализа этот труд стоит в одном ряду с «Истоками тоталитаризма» Ханны Арендт и адресован тем, кто управляет историческими процессами, формирует повестку спецслужб и готов взглянуть в лицо реальности».

Писали, что я фактически продолжил ту же линию бескомпромиссного интеллектуального сопротивления, которую в своё время вели Ханна Арендт и Ориана Фаллачи, «Силу разума» которой цитировал в своей книге³. Каждая из них совершила переворот в осмыслении зла и радикализма, и их судьбы и тексты отлично объясняют происходящее сегодня вокруг событий «МГЛЫ». Если сопоставить их работы, сходство становится очевидным. Ханны Арендт в деконструкции тоталитарного мышления - «Банальности зла: Эйхман в Иерусалиме» и в «Истоках тоталитаризма» - совершила то же, что я - с концептом «палестинства» и левой повестки, смещая фокус анализа на Метанарратив Палестинства и психопатологию. Арендт показала, что чудовищное зло рождается не «мифическими злодеями», а системным отказом от критического мышления, из бюрократизации и идеологической индукции, когда толпа более не руководствуется разумом. Арендт подверглась жесточайшей критике со стороны интеллектуалов за то, что посмела анализировать нацизм холодным философским умом, за то, что не списала Катастрофу на антисемитизм, став отверженной после вселенского скандала. Её обвиняли в бездушии — как, возможно, сегодняшние левые круги попытаются табуировать холодный судебно-медицинский анализ «МГЛЫ» и палестинского этносадизма. Яростный крик Орианы Фаллачи против «полезных идиотов» в ее книгах-манифестах «Ярость и гордость» и «Сила разума», написанных после терактов 11 сентября, метил в те же цели, что и «МГЛА» - обвинениями западной элите. Фаллачи первой открыто и яростно обвинила евро-

³ «Силу разума» О. Фаллачи.

пейских левых интеллектуалов, медиа и политиков в предательстве западной цивилизации. Она ввела термин «Еврабия» и показала, как левая повестка капитулирует перед радикальным исламизмом из-за ложной толерантности и ressentiment. Левое академическое сообщество устроило Фаллачи настоящую «культурную отмену», её объявляли расисткой, подвергли академической анафеме и судили в Европе. Но время показало, что её анатомия европейского кризиса была пророческой. Её судьбой стал Синдром Кассандры. Мы совершили «грех», который левая повестка не прощает - называли вещи своими именами с помощью мощного категориального аппарата. Арендт дала миру понятийный аппарат для понимания тоталитаризма. Фаллачи дала эмоциональный и публицистический отпор капитуляции Запада. Я свел это в XXI веке в строгую онтологию «бытия-в-ненависти», дав современным спецслужбам и аналитикам уже сугубо научный, структурный инструмент против гибридного союза левой профессуры и ближневосточного террора, зная, что книги, которые в момент выхода пытаются замолчать или «отменить» из-за их пугающей правоты, со временем неизбежно становятся классикой политической философии и учебниками для тех, кто вынужден защищать цивилизацию на практике.

Я ввел понятие/катеорию «МГЛА» как нарицательное, синоним бытия-в-ненависти, выведя само слово «МГЛА» за рамки художественной метафоры и сделав его строгой философской категорией, центральным понятием онтологии ненависти. «Мгла» в ней — клинический статус бытия, особое, измененное состояние индивидуального и коллективного существования, при котором ненависть становится главным и единственным смыслообразующим стержнем жизни, тотальная среда и психологический ландшафт, субстанция, полностью овладевшая человеком, деформируя всю «материю человеческих отношений». Уйдя во «Мглу», социум (этнос) утрачивает способность видеть реальность объективно; его восприятие сужается до черно-белой дихотомии, где уничтожение Другого — сверхсмысл и высшее благо. «Мгла» — инволюционный тупик: нарицательное имя для деструктивного экзистенциального пространства, в котором созидательные силы человека (Эрос, стремление строить, развиваться, усложняться) полностью замещаются Танатосом — влечением к смерти, разрушению и саморазрушению. Предметом первой части моего исследования было «Палестинство», но сам конструкт «Мглы» универсален. Это философская модель того, как целые общества и культуры под воздействием тотальной индоктринации могут погружаться в клиническую, непроницаемую деградацию духа. «Мгла» в этом смысле ментальная и экзистенциальная черная дыра. Находясь в ней, социум полностью перерождается, меняя законы жизнедеятельности, в ней происходит фундаментальная инверсия (переворот) всех жизненных циклов - рождение детей воспринимается не как продолжение рода для жизни, а как материя «живой силы» для конвейера ненависти. материнство сакрализируется единственно сквозь призму будущего «шахидства» (мученичества) ребенка, чему быт служит декорацией. Экономика, инфраструктура, образование и культура более не самоценны. Они превращаются в обслуживающий агрегат войны, любые ресурсы (гуманитарная помощь, строительные материалы) идут под землю — в туннели, в оружие, в поддержание инфраструктуры разрушения. Деструкции сакрализована. Праздником и моментом наивысшего триумфа для общества становится день не созидательного достижения (открытие университета, запуск завода), а успешного теракта или резни. Главная опасность «Мглы» — способность полностью отключать индивидуальный разум, заменяя его коллективным психозом, механизм уничтожения смыслов укладывается в три этапа: тотальное сужение горизонта (черно-белый мир) - во «Мгле» исчезают полутона, сомнения или альтернативы, реальность упрощается до примитива: есть «Мы» (абсолютно праведные и угнетенные) и «Они» (абсолютное зло, подлежащее искоренению), попытки переосмысления приравниваются к предательству. Лингвистическая катастрофа предикативна: язык «Мглы» деградирует, слова теряют свой первоначальный смысл в ее двоемыслии и новоязе, «мир» начинает означать капитуляцию врага, «справедливость» — месть, а «гуманизм» — поддержку

разрушения, убийство называется «долгом», террорист — «мучеником», гибель — «свадьбой на небесах». Человек теряет сам инструмент, с помощью которого можно помыслить что-то, кроме ненависти. Анестезия совести происходит через ритуал. Чтобы обычный человек мог совершать акты запредельной жестокости (как 7 октября), его совесть должна быть усыплена, «Мгла» достигает этого через ритуализацию ненависти. Погром, линчевание или убийство обставляются как священный долг и сопровождаются всепалестинским одобрением. Страх перед грехом больше нет, потому что Мукавамой объявлена грехом сама жалость к врагу. «Мгла» не имеет внутренней цели выхода. Она не хочет победить, чтобы успокоиться и созидать. Если гипотетически представить, что «Всемогущий Израиль» или любой другой «Враг» исчезнет, «Мгла» не рассеется., поскольку ненависть стала единственным клеем, скрепляющим этнос, его бытием и национальной идентичностью, в отсутствие внешнего врага эта система немедленно начнет пожирать саму себя в войне группировок и кланов. Это и есть Железный закон инволюции — движение к абсолютному нулю, к полному распаду человеческого в человеке. Понять Мглу можно вживанием феноменологического анализа, как внеположенную себе.

Бездна (Abgrund) в философии Ницше — это фундаментальный концепт, символизирующий иррациональную, хаотичную и лишенную объективного смысла основу бытия, открывшуюся человеку после «смерти Бога». Это не просто пустота, а пугающая свобода и отсутствие каких-либо абсолютных моральных или метафизических ориентиров. Самая известная цитата Ницше о бездне принадлежит к работе «По ту сторону добра и зла» (афоризм 146): «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». Ключевые аспекты концепта Бездны - Крах иллюзий и нигилизм. Бездна обнажает истинную природу мира, в котором нет предустановленного плана, высшей справедливости или объективного добра и зла. Столкновение с ней порождает кризис бессмысленности (европейский нигилизм). Бездна- психологическое зеркало. Выражение «бездна смотрит в тебя» означает, что человек, заглядывая в пустоту Вселенной, начинает видеть темные, хаотичные и неосознанные глубины собственной психики. Борющийся с «чудовищами» рискует сам стать чудовищем, перенявшим их методы. Точка трансформации и Сверхчеловек. Бездна у Ницше — это не только угроза гибели, но и необходимое условие для рождения Сверхчеловека (Übermensch). В «Так говорил Заратустра» человек описывается как «канат, натянутый между животным и Сверхчеловеком, — канат над пропастью». Чтобы эволюционировать, человечество должно пройти над этой бездной. Свобода воли и сотворение смыслов. Только тот, кто способен выдержать взгляд бездны и не поддаться отчаянию, обретает истинную свободу. Ницше во многом отталкивался от философии Шопенгауэра, которого в молодости считал своим главным учителем. Однако концепт бездны стал одной из главных точек их радикального разрыва. Если Шопенгауэр открыл бездну и ужаснулся ей, призвав к бегству, Ницше принял этот ужас и призвал к триумфу над ним. Если критерий Бездна по Шопенгауэру - Мировая Воля, Бездна по Ницше - Воля к власти / Хаос, слепая, безумная, вечно голодная Мировая Воля, порождающая страдания, хаотичная, иррациональная, но творческая основа жизни, лишенная бога и метафизики. Реакция на неё - пессимизм и ужас. Мир —ошибка, а бытие бессмысленно и полно боли. Таков трагический оптимизм. Мир жесток, но это делает его полем для великих свершений. По Шопенгауэру это спасение уничтожением желания. Практиковать аскезу, сострадание и буддийское отречение от мира. Утверждать жизнь (Amor Fati). Принять хаос, рискнуть и сотворить свои смыслы. Путь Ницше - от метафизики к земной реальности. У Шопенгауэра Воля — это мистическая праоснова (вещь в себе), которая управляет всем из-за кулис, Ницше же «заземляет» эту бездну. Для него бездна — это не скрытая мистическая сила, а сама земная жизнь, очищенная от религиозных и философских иллюзий. Это реальность, в которой больше нет Бога, нет объективной морали и нет конечной цели. От отрицания воли к её максимальному утверждению. Шопенгауэр видел спасение в «усыплении» Воли: если мир — это бездонная пучина страда-

ний, то лучший выход — перестать желать (буддийская нирвана). Ницше считает такую позицию слабостью и декадансом. Его бездна — вызов. Вместо ухода в аскезу Ницше предлагает концепт Воли к власти — импульс не просто выживать, а расширять свое влияние, расти и созидать вопреки хаосу. Дионисийское начало против пессимизма. В «Рождении трагедии из духа музыки» Ницше, еще под влиянием Шопенгауэра, находит противоядие от ужаса бездны в дионисийском искусстве. Через музыку и экстаз человек заглядывает в бездну бытия, но не ломается, а сливается с первобытной радостью жизни. Позже это перерастет в концепцию *Amor Fati* (любви к року) — нужно любить жизнь во всей ее полноте, включая страдания и бездну. Таков канат над пропастью вместо тихой гавани. Для Шопенгауэра идеал — это святой или мудрец, который ушел от мира и обрел покой. Для Ницше покой равен духовной смерти. В «Так говорил Заратустра» канат над бездной — Человек. Безопасного берега (старых ценностей) больше нет. Единственный путь для человека — идти вперед над пропастью, рискуя сорваться, чтобы в итоге стать Сверхчеловеком. Концептуальное сопоставление Мглы и Бездны Фридриха Ницше представляет собой глубокий перекресток онтологии. Хотя обе категории описывают критические, пограничные состояния человеческого бытия и деструкцию привычных смыслов, они работают по принципиально разной механике и приводят к противоположным экзистенциальным исходам. Их пересечение и различие можно разложить на четыре ключевые линии: 1. Онтологический статус: Потенциальность против Деформации. Бездна Ницше — онтологическая пустота и хаос. Она обнажает мир, очищенный от иллюзий, «смерть Бога» и отсутствие метафизического каркаса. Бездна сама по себе нейтральна; это чистое пространство потенциала, целина, из которой Воля к власти может созидать новые смыслы. Мгла — тотальное «бытие-в-ненависти». Это не пустота, а, напротив, удушающая, сверхплотная среда. Мгла — это не отсутствие, а активная деформация материи человеческих отношений. Бездна страшит пустотой, за которой ничто, Мгла ужасает тем, что поглощает и искажает всё, что в неё попадает, превращая любое взаимодействие в деструкцию. 2. Динамика взгляда: Отражение против Растворения. Бездне работает зеркальная субъектность: «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». Бездна возвращает человеку его собственный взгляд, заставляя встретиться лицом к лицу со своими глубинными чудовищами, но сохраняя границу между «я» и хаосом. Это вызов для Сверхчеловека. Во Мгле субъектность стирается. Мгла как категория ненависти ослепляет. В ней невозможно «всматривание», поскольку она лишает человека дистанции и различения. Вместо диалога или противостояния с бездной, Мгла предлагает тотальное погружение, где субъект теряет свои контуры и растворяется в симулякрах вражды и ненависти. 3. Воля к власти против Бытия-в-ненависти. Для Ницше ответом на вызов Бездны является Воля к власти — витальный, созидательный импульс, утверждающий жизнь через творчество, преодоление страданий и *Amor Fati* (любовь к року), в Учении о ненависти Мгла — это системная деконструкция жизни. Если Воля у Ницше стремится к экспансии и созиданию «над пропастью», то Мгла — это самозамкнутый цикл ненависти, питающийся собственным разрушением. Это не ницшеанская ярость сильного, создающего свои законы, а онтологический тупик, западня «бытия-в-ненависти», блокирующая любую подлинную эволюцию духа. 4. Вектор движения: Канат над пропастью против Профайлинга зла. Ницше человек — это динамический вектор, «канат, натянутый между животным и Сверхчеловеком, — канат над пропастью». Бездна требует движения вперед, преодоления. В концепции Мглы предлагается антропологический профайлинг тотального зла. Вместо преодоления, романтического или трагического прыжка через пропасть, Мгла требует от исследователя «хирургически точной» деконструкции её механизмов, чтобы понять, как именно она парализует ткань социальности «Учением о ненависти». Если Бездна Ницше — это внешнее трагическое пространство, требующее от человека стать творцом и Сверхчеловеком на руинах старых ценностей, то Мгла в «Учении о ненависти» — внутреннее и внешнее вязкое состояние вместе взятые, где сама ненависть становится метафизическим диагнозом реальности, подменяющей собой

чистое ницшеанское бытие. Это онтологическое воплощение ницшеанской Бездны, но воплощение «наизнанку», «захваченное» ресентиментом. Мгла — Бездна, которая перестала быть пустой. Мгла возникает ровно тогда, когда человек, заглянув в бездну Ницше, не справился с ее ужасом, не смог родить из нее Сверхчеловека, а вместо этого породил тотальную ненависть, ставшую бытием. Мгла — это Бездна, победившая человека.

Метафизически, в политической религии ХАМАСА и в Мукаваме мы обнаруживаем волю к ненависти и некрофилию порождаемую саморазрушением этой воли. Мы обнаруживаем пугающе точную иллюстрацию того, как ницшеанская Бездна сворачивается в тотальный некрофилический тупик. Пересечение идей в этой парадигме выглядит следующим образом: 1. Перерождение «Воли к власти» в «Волю к ненависти». У Ницше Воля к власти — это избыток жизни, творческая экспансия, которая перешагивает через Бездну бессмыслицы, чтобы создавать новые ценности («я созидаю, следовательно, я преодолеваю Бездну»). В метафизическом абрисе Мглы, которую воплощает ХАМАС, происходит роковая подмена. Субъект, неспособный выдержать пустоту Бездны и груз подлинной экзистенциальной свободы, заменяет созидание деструкцией. Воля к власти мутирует в волю к ненависти. Ненависть становится эрзацем бытия: «я ненавижу и уничтожаю, следовательно, я существую». Мгла заполняет вакуум Бездны, предлагая вместо сложного и трагического творчества Сверхчеловека простую, темную и абсолютную идентичность вражды. 2. Мукавама как метафизический симулякр. Политическая религия Мукавамы декларирует себя как «сопротивление», то есть как действие реактивное, изначально вторичное по отношению к сионистскому Врагу. В контексте Мглы это означает, что Враг становится метафизическим стержнем, удерживающим всю конструкцию бытия. Без Врага Мгла рассеется, и субъект вновь окажется один на один с пугающей ницшеанской Бездной. Почему «сопротивление» здесь — не путь к освобождению или победе, а способ вечного продления самой Мглы в дурной бесконечности «сопротивления». Это самозамкнутый цикл, порочный круг, в котором ненависть легитимизирует саму себя через воспроизводство насилия. 3. Некрофилия как «Саморазрешение воли». Самый страшный метафизический итог Мглы в данном контексте — её неизбежный переход в некрофилию (в терминологии Эриха Фромма, как любовь к мертвому, механическому и разрушенному). У Ницше канат над пропастью натянут ради жизни будущего Сверхчеловека. Страдание — лишь побочный продукт, болезнь роста, во Мгле с ее политической религией смерть перестает быть ценой и становится главной ценностью и целью. Лозунги в духе «мы любим смерть так же, как вы любите жизнь» — манифестация некрофилии. Когда воля к ненависти «саморазрешается», то упирается в свой абсолютный предел — уничтожение живого. Живое хаотично, изменчиво и свободно (оно несет в себе черты Бездны), в то время как мертвое — статично, предсказуемо и полностью подконтрольно. Некрофилия ХАМАСа — суть попытка тотально «зацементировать» Бездну, заменив живой, пугающий хаос мира мертвой, неподвижной структурой Культа Смерти.

Если мы остаемся строго в границах метафизики, формулировки «воля к ненависти» и «саморазрушение воли» требуют концептуального уточнения. Переводя это на строгий язык метафизики Мглы и философии Ницше, феномен Мукавамы — не «воля к ненависти», а мутация Воли к власти в Волю к уничтожению, вызванная метафизическим страхом перед Бездной, не просто «саморазрушение воли», а её онтологический коллапс — ситуация, когда воля, выбрав смерть в качестве высшего идеала, успешно достигает своей цели и тем самым упраздняет саму себя, оставляя вместо бытия чистую Мглу. При этом «ненависть» и «некрофилия» рассматриваются не как самостоятельные метафизические первоначала, а как симптомы дегенерации и капитуляции воли перед Бездной. Мы видим безупречную метафизическую лестницу нисхождения воли — от её высшего витального состояния к её абсолютному онтологическому краху во Мгле. Её можно развернуть как трехэтапную диалектику вырождения духа перед лицом Бездны: 1. Источник: Воля к власти (Wille zur Macht) Статус: Чистый ницшеанский потенциал. Отношение к Бездне: Столкновение с пустотой рождает созидатель-

ный импульс. Воля утверждает жизнь, конструирует новые ценности над пропастью, преодолевает хаос через творчество. Она субъектна и витальна. 2. Первая фаза вырождения: вырождение Воли к власти в Волю к ненависти. Статус: Рождение Мглы. Механика: Воля оказывается слишком слабой, чтобы выдержать пустоту Бездны и бремя созидания. Наступает метафизический страх (ужас перед свободой). Субъект теряет способность утверждать себя из себя и переходит к реактивному существованию. Суть уточнения: Воля к ненависти — это извращенная воля, которой для ощущения собственной силы жизненно необходим Враг. Сила измеряется не объемом созданного бытия, а интенсивностью отрицания Чужого. Это фундамент политической религии Мукамы. 3. Предельная фаза: Воля к уничтожению как Воля к саморазрушению (через Волю к уничтожению). Мы глубоко разделяем и связываем эти три понятия. Здесь происходит финальное замыкание Мглы: Воля к уничтожению (Wille zum Nichts) — тут вектор движения⁴. Это метафизический выбор в пользу Небытия, абсолютной статики и смерти, сделанный ради того, чтобы прекратить болезненное соприкосновение с живой реальностью. Воля к уничтожению — это внешний инструмент Воли к уничтожению. Это её манифестация в физическом мире (террор, некрофилия культа, разрушение социальности, превращение живого в мертвое, постановка себя вне законов). Воля к саморазрушению — неизбежный внутренний итог. уничтожая всё живое вокруг себя, воля к уничтожению закономерно уничтожает и носителя этой воли в Законе конечности причины. Нельзя служить Ничто и остаться живым. Рано или поздно Мгла пожирает сам субъект, её породивший, как учит правда истории. Формула, если свести ваше видение к строгому философскому тезису, такова Мгла в «Учении о ненависти» в контексте тоталитарных культов смерти — процесс, в котором Воля к власти, капитулировав перед Бездной, вырождается в Волю к ненависти (направленную на Другого), что неизбежно завершается Волей к уничтожению, которая, будучи Волей к уничтожению, метафизически разрешается как Воля к саморазрушению (направленная на себя). В этой формуле «Воля к уничтожению» является глубоким метафизическим ядром (целеполаганием Мглы), «Воля к ненависти» — её психологическим и идеологическим топливом, «Воля к уничтожению» — её практикой, а «Воля к саморазрушению» — её онтологическим финалом.

2.

ОТЦЕУБИЙСТВО

В психоанализе Зигмунда Фрейда понятия богоубийства и кастрационного страха неразрывно связаны через концепцию Эдипова комплекса и происхождение человеческой культуры.

Схема взаимосвязи по Фрейду. Эдипов комплекс и с фигурой отца такова. В теории Фрейда маленький мальчик испытывает влечение к матери и воспринимает отца как могущественного соперника, из-за этого возникает кастрационный страх — подсознательный ужас перед тем, что отец покарает его за эти желания, лишив мужественности. В «Тотем и табу» (1913) Фрейд переносит эту индивидуальную динамику на историю всего человечества, создав миф о «первобытной орде», где жестокий и деспотичный праотец единолично владел всеми женщинами и изгонял или убивал своих сыновей (Кронос). В итоге сыновья объединились и убили отца (первобытное «отцеубийство»)⁵. После убийства (путь от Отцеубийства к

⁴ «Воля к уничтожению» (Wille zum Nichts) — этот термин принадлежит Ницше. Он использовал его в «К генеалогии морали», описывая аскетический идеал и буддийское стремление к покою. Ницше говорил, что человек «предпочитает хотеть Ничто, чем ничего не хотеть». Но Ницше остановился на этом. Он видел в этом лишь психологический симптом слабости, упадок витальности.

⁵ В «Тотем и табу» Фрейд ссылается на Дарвинское определение орды: «Кажущееся невероятным предположение — убийство тиранического отца, благодаря объединению изгнанных сыновей, казалось и Atkinson'у прямым следствием, вытекающим из условий дарвиновской орды. «Орда молодых братьев жила в вынужденном celibate или, лучше сказать, в полиандрических отношениях с какой-нибудь одной попавшей в плен женщиной. Так эта орда жила до достижения половой зрелости; однако,

Богоубийству) сыновья испытали глубокое чувство вины и раскаяния (поскольку они не только ненавидели отца, но и любили/уважали его)⁶. Дабы искупить вину и не допустить самоистребления, они наложили табу на инцест (отказ от женщин, из-за которых убили отца), обожествовали фигуру отца, перенесли его образ сначала на тотемное животное, позже — на образ единого Бога. Таким образом, с точки зрения Фрейда, религиозный культ Бога — поздняя проекция Идеализированного Отца, призванная справиться с чувством вины за первобытное отцеубийство. Таким образом, кастрационный страх порождает амбивалентное отношение к отцу (страх и уважение), Богоубийство же в психоаналитическом смысле — воспроизведение мифического убийства праотца. Символическое «убийство Бога» (или бунт против религии) в культуре — вечная попытка человечества освободиться от отцовского авторитета и избавиться от гнетущего кастрационного страха (страха наказания). В «Моисей и монотеизм» (1939), написанной Фрейдом на закате жизни в условиях нацистской угрозы и вынужденной эмиграции в Лондон, он пытается применить психоанализ к истории еврейского народа и объяснить глубокие корни антисемитизма. В этой работе Фрейд выделяет несколько ключевых психологических и исторических причин ненависти к евреям: 1. Зависть к «избранничеству» Еврейский монотеизм, по мнению Фрейда, породил жесткую религиозную дисциплину и веру в то, что евреи являются «избранным народом». Это высокомерие (в глазах других) сформировало у еврейского народа сильное чувство собственного достоинства, вызывающее у окружающих наций глубокую зависть, ревность и ответную враждебность. (По Ницше это мораль рабов, евреи же становятся Совестью Мира)⁷. 2. «Ревность младших братьев» к монотеизму. Фрейд утверждал, что христианские народы приняли монотеизм сравнительно поздно и часто поверхностно — под прикрытием новой веры в них остался силен скрытый политеизм (язычество). Антисемитизм в христианском мире Фрейд трактовал как *«недопреодоленное язычество»*: нападая на евреев, народы подсознательно мстили за то, что им навязали строгую монотеистическую мораль, и отыгрывались на тех, кто принес её в мир. 3. Напоминание об отцеубийстве. Согласно историческому мифу Фрейда, первый пророк Моисей (которого ученый считал знатным египтянином) был убит собственным народом из-за непосильного бремени законов. Позже оно, это вытесненное преступление легло в основу еврейского чувства вины, христианство же пошло

по мере того, как она становилась сильнее, она неизбежно все снова и снова вступала в борьбу, желая отнять и жену и жизнь у отца-тирана».

⁶ «Если мы проследим в религии и в нравственном прогрессе, еще не строго разделенных в тотемизме, последствия превратившейся в раскаяние нежности к отцу, то для нас не остается незамеченным, что в сущности победу одержали тенденции, диктовавшие убийство отца. Социальные чувства братства, на которых зиждется великий переворот, приобретают с этого момента глубочайшее влияние на развитие общества. Они находят себе выражение в святости общей крови, в подчеркивании солидарности жизни всех, принадлежащих к тому же клану. Обеспечивая себе таким образом жизнь, братья этим хотят сказать, что никто из них не должен поступать с другими так, как они все вместе поступили с отцом. Они исключают возможность повторения судьбы отца. К религиозно обоснованному запрещению убивать тотем присоединяется еще социально обоснованное запрещение убивать брата. Еще много пройдет времени, пока заповедь освободится от ограничения только кругом соплеменников и будет гласить просто: не убий. Сначала место патриархальной орды занял братский клан, обеспечивший себя кровной связью. Общество покоится теперь на соучастии в совместно совершенном преступлении, религия — на сознании вины и раскаянии, нравственность — отчасти на потребностях этого общества, отчасти на раскаянии, требуемом сознанием вины». Там же, стр. 78

⁷ Ницше, несмотря на свою жесткую критику христианской и еврейской морали за подавление жизненных сил, признавал за еврейским народом невероятное величие. Именно эта «мораль рабов» сделала человека **глубоким, интересным и парадоксальным существом**. Евреи, внедрив эту систему ценностей (которая затем через христианство завоевала Рим и всю Европу), фактически сформировали внутренний мир современного человека, его рефлексию и ту самую «Совесть Мира» — мучительную, проверяющую себя на греховность, но глубокую. До возникновения монотеизма боги древних народов (греков, римлян, египтян) олицетворяли силы природы, страсть или власть. Они не требовали от человека внутренней праведности — им нужны были жертвы. Еврейский монотеизм связал божественное не с силой, а с Законом и Моралью. Появилось представление о грехе не как о нарушении табу, а как о внутреннем падении. Мир впервые начал судить себя по этическим критериям. В XX веке метафора «Совести Мира» приобрела новое, экзистенциальное измерение. Пережив Катастрофу (Шоа), еврейский народ стал живым напоминанием для всего человечества о том, куда ведут ксенофобия, тоталитаризм и отказ от гуманистических ценностей. Отношение обществ к этой трагедии и к антисемитизму стало лакмусовой бумажкой коллективной (Суперэго) совести современной цивилизации.

далее: оно признало «убийство Бога» (через распятие Христа) и искупило этот первородный грех. В результате христиане перенесли обвинение в отцеубийстве на евреев, упрекая их в том, что они «не хотят признать Спасителя», загладившего эту вину. 4. Страх кастрации. На самом глубинном, бессознательном уровне Фрейд связывал антисемитизм со страхом кастрации, который актуализируется у других народов при упоминании обряда обрезания. Этот древний ритуал подсознательно воспринимается как пугающий символ подчинения и увечья, вызывая у антисемитов инстинктивное отторжение и агрессию. Книга создавалась в трагический период: в 1938 году нацисты сожгли психоаналитические труды в Вене, сам Фрейд смог спастись от гестапо только благодаря международному давлению и бегству в Великобританию. Проекция психоаналитических концепций Фрейда (таких как кастрационный страх, отцеубийство и богоубийство) на масштабные исторические трагедии — Холокост и резню 7 октября — встречается в работах некоторых философов, психоаналитиков и исследователей антисемитизма. Психоаналитическое объяснение того, как эти механизмы рассматриваются в контексте данных трагедий, таковы: 1. Холокост: Бунт против «Бога-Отца» и зависть к Избранничеству. Фрейд и его последователи (например, Жак Лакан в более поздних дискурсах) связывали глубинные корни антисемитизма с религиозной и культурной динамикой, где антисемитизм — скрытое богоубийство (Бунт против Закона). По Фрейду иудаизм принес в мир концепцию строгого, невидимого единого Бога-Отца и жесткие моральные ограничения (Десять заповедей), нацизм во многом носил неоязыческий характер с его мифологией и архетипами. В психоаналитическом смысле уничтожение евреев (народа, который «принес» Бога-Отца и Его Закон в мир) — символическое богоубийство. Уничтожая «свидетелей Бога», агрессор пытается освободиться от гнета совести, вины и Сверх-Я (Супер-Эго). Кастрационный страх и обряд обрезания: Фрейд прямо писал, что обрезание у евреев вызывает у других народов подсознательный кастрационный страх («Мгла. Учение о ненависти» Гл. 27, стр. 231, 239-240). Оно напоминает о грозном отцовском наказании из первобытных времен. Этот скрытый ужас перед «кастрирующим» Отцом трансформировался в ненависть к тем, кто этот ритуал практикует. Зависть к «Первенцу»: Евреи исторически воспринимались как «избранный народ» Бога-Отца. В логике Эдипова комплекса антисемитизм нацистов можно интерпретировать как радикальную, смертоносную братскую ревность. Младшие «братья» (другие культуры) уничтожают «старшего брата» (евреев), чтобы единолично завладеть расположением Отца или занять Его место. 2. Резня 7 октября: ритуализированное насилие и архаичный бунт. События 7 октября 2023 года анализируются современными израильскими и мировыми психоаналитиками через призму деструктивных групповых процессов и возвращения к «первобытной орде». Уничтожение символов защиты (Кастрация как лишение силы): В психоанализе кастрационный страх — не только физический аспект, но и страх потери авторитета, силы, способности защитить себя и быть субъектом. Государство Израиль и ЦАХАЛ долгое время воспринимались в регионе как мощная, технологичная, «отцовская» фигура силы. Нападение 7 октября, сопровождавшееся преднамеренным осквернением тел, сексуализированным насилием и разрушением оборонительных барьеров, было направлено на то, чтобы нанести максимальную травму, символизирующую «кастрацию» (полное бессилие) этой фигуры силы. Прорыв первобытной орды: Фрейд описывал, что в толпе или радикальной группе индивидуальная мораль отключается, и ею начинает управлять архаичное «Оно». Жестокость, которая демонстрировалась и транслировалась в прямом эфире, в психоаналитическом контексте выглядит как триумф первобытных импульсов над табу («Мгла. Учение о ненависти» Гл. 27), это бунт против цивилизационных ограничений, где уничтожение «Другого» становится актом утверждения собственного всемогущества. Религиозно-символическое «богоубийство»: нападение на мирных жителей в субботу и в праздник Симхат Тора — время, сакральное для еврейской связи с Богом и Законом, — несло в себе элемент осквернения этой связи. Это символический удар по ценностям, структуре и порядку, которые олицетворяет еврейская традиция. Главное отличие в динамике.

Критерий Холокост (в контексте Фрейда) Резня 7/10 (в контексте Фрейда). Механизм Холодное, бюрократическое, индустриальное уничтожение носителей «Закона Отца». Аффективное, демонстративное насилие с целью разрушить образ силы («кастрировать» врага). Цель агрессора Полное вычеркивание Бога и Его Закона из истории через тотальное уничтожение Его народа. Физическое разрушение границ и структуры для преодоления собственного ощущения слабости через архаичную жестокость. Эти интерпретации являются теоретическими моделями психоанализа, которые пытаются объяснить иррациональную, глубинную природу человеческой жестокости и массовой ненависти, выходящую за рамки чисто политических или экономических причин.

В контексте палестинского этноса и особенно радикальных группировок вроде ХАМАС концепции кастрационного страха, отцеубийства и богоубийства проявляются через специфическую динамику многолетней агрессии, избранной травмы по Волкану («Мгла. Учение о ненависти» Гл. 21, стр. 101, 203-204, 235) и религиозно-идеологической надстройки. Современные психоаналитики и исследователи политического насилия описывают эти проявления следующим образом: 1. Преодоление «символической кастрации» через гипермаскулинное насилие⁸. В психоаналитическом смысле кастрационный страх — это не только физическая угроза, но и глубинный ужас перед полным бессилием, потерей контроля, субъектности и авторитета. Символическая кастрация: на протяжении десятилетий палестинское общество жило в условиях технологического, военного и административного доминирования Израиля. В рамках коллективного бессознательного образ «всемогущего» Израиля (ЦАХАЛа, Шин-Бет) закрепился как фигура грозного, карающего «Отца», который контролирует границы, ресурсы, перемещение и саму жизнь. Это порождало глубокое коллективное чувство беспомощности и унижения, сопоставимое с психоаналитической кастрацией. Ответный акт: События 7 октября задумывались и воспринимались исполнителями как радикальный акт «символического излечения» от этого бессилия. Демонстративная жестокость, физическое разрушение пограничных барьеров и захват военных баз были попыткой перевернуть динамику: «кастрировать» (лишить силы, унижить, сделать беспомощной) саму израильскую фигуру власти. 2. Бунт против «Отца» (Отцеубийство) и отказ от Закона. С точки зрения Фрейда, развитие цивилизации требует подчинения «Закона Отца» (табу на насилие, признание границ, международное право, договоренности). В радикальном палестинском дискурсе Израиль и стоящий за ним коллективный Запад воспринимаются как репрессивная отцовская структура, навязывающая свои правила. Атака 7 октября в психоаналитических координатах — это классический бунт первобытной орды сыновей против этого порядка. Это попытка совершить символическое «отцеубийство» — разрушить навязанный извне Закон и границы, полностью отключив супер-эго (мораль) ради освобождения архаичных импульсов разрушения. 3. Религиозное замещение и «Богоубийство» По Фрейду, в основе монотеизма лежит фигура идеализированного отца. В идеологии ХАМАС происходит специфическая трансформация этого конструкта. Прежде всего это абсолютизация религиозного долга. Реальный, земной компромисс или закон (политические соглашения) отвергаются, вместо этого группа подчиняется

⁸ **Гипермаскулинное насилие** — это форма агрессии и жестокости, которая проистекает из гипермаскулинности — утрированного, преувеличенного стремления соответствовать традиционным стереотипам мужского поведения. В рамках этого феномена физическая сила, доминирование, контроль, эмоциональная холодность и жестокость возводятся в абсолют и воспринимаются как главные маркеры «настоящего мужчины». **Отказ от эмпатии:** Проявление сострадания, уязвимости или страха строго табуируется и воспринимается как слабость («женственность»). Вместо этого любые сложные эмоции трансформируются в гнев или агрессию. **Доминирование как цель:** Насилие используется как главный инструмент для утверждения своей власти, статуса или контроля над более слабыми (женщинами, детьми, мужчинами, не вписывающимися в эти стандарты). **Сексуальная объективация и агрессия:** Восприятие сексуальных отношений исключительно через призму покорения, силы и демонстрации своего превосходства. **Постоянный поиск угрозы:** Любое несогласие, критика или недостаток «уважения» со стороны окружающих воспринимаются как вызов мужской чести, на который необходимо ответить физическим или психологическим насилием.

исключительно высшему, сакрализованному авторитету. Происходит проекция зла, расщепление психики (то, что Мелани Кляйн называла параноидно-шизоидной позицией): своя группа воспринимается как абсолютно чистая и праведная, а враг — как абсолютное, хтоническое зло, подлежащее искоренению. Уничтожение «неверных» или «оккупантов» на сакральной земле воспринимается не просто как геополитическая борьба, а как священная миссия по уничтожению ложного порядка — что психологически близко к концепту борьбы с чуждыми «богами» или символическому богоубийству ради воцарения своей тотальной истины. Для палестинского сознания динамика Фрейда выразилась в попытке вырваться из тисков многолетнего кастрационного страха перед превосходящей силой. Психологическая трагедия этого процесса заключается в том, что вместо выхода в зрелую автономию и диалог, этот прорыв трансформировался в архаичную, кровавую вспышку насилия «первобытной орды», которая, согласно теории психоанализа, неизбежно запускает новый виток вины, травмы и ответного разрушения. Кастрационный страх трансформируется в экзистенциальный фундамент «бытия-в-ненависти». В рамках этой философской теории механизм работает следующим образом: Страх как онтологическая основа. Для радикализованных сообществ или затяжных этнополитических узлов кастрационный страх перестает быть просто индивидуальной психотравмой (как у Фрейда). Он разрастается до масштабов онтологического страха небытия — ужаса перед тем, что «Другой» (Израиль, Запад, любая доминирующая сила) полностью лишит их субъектности, истории, территории и права голоса, что эквивалентно символической кастрации). Происходит замещение страха ненавистью (Концепция «Мглы»). Жить в состоянии перманентного кастрационного страха (ощущения полного бессилия и уязвимости перед «Отцом») психика долго не в состоянии — это разрушительно. Происходит защитная реакция: страх перерождается в ненависть. Ненависть дает этносу иллюзию силы, субъектности и контроля. Ненависть формирует реальность, заполняет внутреннюю «мглу» и становится стержнем существования, «бытие-в-ненависти» здесь формируется. вместо классического Хайдеггеровского «бытия-к-смерти» или «бытия-в-мире», агрессия и деструктивный бунт (такой, как 7 октября) становятся единственной доступной формой подтверждения того, что «я существую и я не кастрирован», палестинской идентичности. Жестокость к Другому в этой извращенной парадигме — единственный способ доказать собственную жизненную силу бесчеловечностью. Таким образом, подсознательный кастрационный страх — та самая скрытая пружина, запускающая перманентное «бытие-в-ненависти», где уничтожение врага воспринимается не как прагматичная политическая цель, а как экзистенциальный манифест и попытка преодолеть собственный метафизический ужас перед бессилием. Этот страх выявляется именно как глубинная структура коллективного бессознательного, долгие годы подпитывавшего и формировавшего данное этнополитическое пространство. Возможно, важно сделать важное разграничение между широким арабским миром и конкретно палестинским этносом, так как исторически этот «миф» проживался ими по-разному. 1. В масштабе палестинского этноса это хроническая травма бессилия. Для палестинского коллективного бессознательного кастрационный страх — это не абстракция, а ежедневная экзистенциальная угроза, выраженная в формуле: «Нас сотрут, нас лишат субъектности, нас сделают невидимыми» (внушенной ХАМАС/ООП), вопреки помощи и стратегии сдерживания Израиля (речь идет о бессилии ресентимента и вымышленной травме его оправдания). Трагедия Накбы (1948) как первичная кастрация (самокастрация) - в коллективной памяти палестинцев потеря земель и статуса воспринимается как внезапная, насильственная демаскулинизация — потеря дома, роли защитника и хозяина своей судьбы независимо от причин. Израиль, «Отец», который не признает, в этой парадигме занял место глухого, тотально контролирующего «Отца». Бессилие перед его технологическим и военным превосходством порождает тот самый подсознательный ужас, который требует постоянного перевода во внешнюю агрессию. Если ты не ненавидишь и не нападаешь, то в этой деструктивной логики ты признаешь свою «кастрированность» (полную капитуля-

цию). 2. В масштабе общеарабского бессознательного это вызов по нарративу величия. В широком арабском мире коллективный кастрационный страх имеет несколько иную природу. Это страх несоответствия великому прошлому перед лицом Запада и Израиля. а) Нарратив Золотого века: В арабском бессознательном заложен образ «могучего, праведного Отца» (Арабский халифат, величие исламской цивилизации, культурное доминирование). б) Исторический надлом: столкновение с европейским колониализмом, а затем серия военных поражений в войнах с Израилем (особенно Шестидневная война 1967 года) нанесли колоссальный удар по этому нарративу. В психоаналитических определениях это была коллективная нарциссическая травма и кастрация. Маленькое (в масштабах региона) государство раз за разом побеждало огромный арабский мир. в) Защитный механизм: Чтобы справиться с этим невыносимым уязвлением, коллективное бессознательное региона десятилетиями инвестировало энергию в палестинский конфликт. Палестинская проблема стала «символическим полем боя», где весь арабский мир пытался (и в радикальных слоях до сих пор пытается) преодолеть свой кастрационный страх перед западной цивилизацией. Онтологический тупик этого «бытия-в-ненависти». Трагедия, которую описывают философы этого направления, заключается в том, что когда кастрационный страх становится фундаментом идентичности, этнос попадает в замкнутый круг: d) Зависимость от врага: Чтобы доказывать себе, что ты «не кастрирован», тебе перманентно нужен враг-«Отец», против которого ты бунтуешь. Без Израиля или Запада эта радикальная идентичность теряет стержень. е) Невозможность созидания: Вся психическая энергия уходит во «Мглу» — в разрушение и экзистенциальный бунт (акт 7 октября), но этот бунт не строит будущего, он лишь временно и иллюзорно снимает внутреннее ощущение страха через вспышку насилия. f) Воспроизводство травмы (Дурная Бесконечность Палестинства). Архаичная жестокость неизбежно влечет за собой жесткий ответ со стороны израильского «Супер-Эго» (разгром), что снова отбрасывает группу в состояние бессилия и травмы, перезапуская кастрационный страх у нового поколения. Таким образом, с позиций психоанализа, этот конфликт выглядит не как территориальный спор, а как глубокая метафизическая и психологическая ловушка, где коллективное бессознательное этноса заперто в бесконечной попытке излечиться от страха небытия с помощью инструмента, который это небытие лишь приближает. Каждый военный разгром фанатиков Израилем запускает катастрофический, но циклический процесс в коллективной психике. Вместо того чтобы отрезвить или заставить капитулировать (как по стандартной политической логике), сокрушительное поражение включает мощнейшие психологические механизмы защиты, которые консервируют конфликт. Вот как выглядит этот механизм пошагово: 1. Травматический шок и прорыв «Кастрационного ужаса». В момент очередного тотального разгрома (как в Газе после 7 октября) иллюзия всемогущества рушится. Кошмар коллективного бессознательного становится реальностью: Грозный «Отец» (Израиль) возвращается и карает с сокрушительной силой. Этнос снова оказывается в состоянии абсолютного бессилия, уязвимости и уничтожения, что и является чистым воплощением кастрационного страха. Психика не может долго выдерживать этот невыносимый ужас. 2. Радикальное вытеснение (По Фрейду) Поскольку признать свое поражение и авторитет «Закона Отца» для этой идентичности равносильно ментальной смерти, включается механизм вытеснения (repression): Катастрофа сакрализуется. Реальный военный разгром вытесняется из сознания и подменяется мифом о «героической несмирности», «жертвенности» и «божественном испытании». Вина за собственную деструктивность (которая и привела к разгрому) вытесняется трансформацией. Вместо нее формируется образ абсолютной, чистой жертвы. 3. Перезапуск «Мглы» и «бытия-в-ненависти». Вытесненный кастрационный страх не исчезает — он уходит вглубь и уплотняется, превращаясь в ту самую метафизическую «мглу». Чтобы не сойти с ума от осознания собственного бессилия и разрухи, уцелевшая часть социума судорожно ищет компенсацию. Единственным доступным клеем для сборки разрушенной идентичности снова становится ненависть. И ненависть к Израилю вспыхивает с новой, еще более слепой

силой, потому что теперь она подпитана свежей кровью и новыми разрушениями и новым приступом трайбалистской ярости, поскольку воля к ненависти не сломлена. Она становится экзистенциальным обезболивающим. 4. Рождение культа «Новых Мучеников» (Символическое бессмертие). Чтобы доказать «Отцу», что его кастрирующий удар не достиг цели, коллективное бессознательное задействует концепт шахидства (мученичества). В психоаналитическом смысле это триумф над кастрацией: «Ты можешь отобрать мою земную жизнь, силу и дом, но уничтожая меня, ты лишь делаешь меня святым и бессмертным». Смерть превращается в наивысший акт несмирности, полностью нивелирующий победу Израиля в физическом мире ее непризнанием. Онтологический итог: Хроно-петля. Каждый разгром Израилем выполняет роль живой воды для следующего цикла: в этой парадигме он совершает рациональные военные действия для защиты своей безопасности, но на метафизическом уровне войны невольно выступает в роли вечной первопричины чужой травмы. Для этноса в «бытии-в-ненависти», каждый разгром — это не повод изменить стратегию, а сакральное подтверждение правоты: «Отец жесток, мир ужасен, значит, наша ненависть — это единственное, что у нас осталось, и единственное, что делает нас живыми».

С точки зрения глубокого психоанализа и экзистенциальной философии, военные разгромы действуют как инверсионный процесс: они не подавляют волю к сопротивлению, а наоборот — переворачивают реальность, превращая физическое поражение в метафизический триумф жертвенности, уплотняя «мглу» ненависти и заряжая энергией следующий цикл насилия, по Ницше пробуждая волю к мести. В этой парадигме единственный подлинный выход — это глубокое коллективное самоосознание (психоаналитическое инсайт-исцеление). Пока этого не произошло, этнос обречен оставаться в деструктивной колее, в дурной бесконечности Мукавами. Путь к выходу из «бытия-в-ненависти» через самоосознание включает три ключевых шага: 1. Выход из Эдипова треугольника (Сепарация от «Отца»). Палестинское коллективное сознание должно перестать определять себя через фигуру врага. Сейчас их идентичность реактивна: «я существую, потому что я борюсь с Израилем». Самоосознание требует взрослой сепарации — признания, что их бытие, культура и будущее ценны сами по себе, независимо от того, существует Израиль или нет. Это переход от подросткового бунта орды к взрослой автономии. 2. Принятие «нехватки» вместо кастрационного ужаса. В Лакановском психоанализе зрелость наступает когда субъект признает, что идеального мира не существует, а «нехватка» (потеря, травма) — это часть человеческого удела. Самоосознание этноса означает способность оплакать Накбу, потерю земель и бывшие иллюзии (пройти через стадию скорби), вместо того чтобы бесконечно вытеснять этот страх через ярость. Только отгоревав потерю, можно начать строить реальность из того, что есть в настоящем. 3. Развоплощение «Мглы» и возвращение Супер-Эго (Морали). Ненависть ослепляет в первую очередь того, кто ненавидит. Самоосознание требует мужества заглянуть внутрь себя и признать, что архаичные акты насилия (такие как 7 октября) не освобождают, а загоняют в еще более глубокую ментальную и физическую катастрофу. Это возвращение к внутренней моральной ответственности за собственную судьбу, вместо проецирования всех причин несчастий на «Отца-Израиля», к современной реальности, сохраняющей понимание бытия как действительности.

Прежде всего это осознание онтологического тупика внешней помощи и исторической ошибки в понимании арабо-израильской войны. Попытки внешнего мира (ООН, Запада, арабских стран) решить экзистенциальную драму истории деньгами, гуманитарной помощью или политическими границами не только бессмысленны, ибо лечат — если лечат — симптомы, а не метафизическую хворь. Более того, жалость Запада часто лишь консервирует палестинцев в статусе «вечной жертвы», что освобождает их от необходимости внутреннего самоосознания, обрекая палестинцев на дальнейшее уничтожение Израилем при отражении их атак. Израиль может разгромить ХАМАС военно, но он не может принудить палестинский этнос к самоосознанию разгромом. Это тяжелейшая внутренняя духовная и интеллектуальная работа,

задача общество должно решить само — перерасти травму гореванием, выйти из хроно-петли вытесненного кастрационного страха и выбрать «бытие-к-жизни» вместо «бытия-в-ненависти». Израиль же обязан ради своей безопасности сокрушить Метавселенную Палестинства принуждением к реальности. «Принуждение к реальности» — пожалуй, самый точный термин, описывающий жесткий, но единственный рабочий инструмент для демонтажа подобных психопатологических петель и симулякров. В психоанализе Лакана и Фрейда этот процесс называется столкновением с принципом реальности (в противовес принципу удовольствия/иллюзии), в экзистенциальной философии — преодолением «дурной веры» и мифологического сознания. Когда этнос или группа пребывают во «мгле» вытесненного кастрационного страха и перманентной ненависти, они живут в альтернативной реальности, в галлюцинаторном поле. В этом поле поражения объявляются победами, насилие над мирными жителями — священным долгом, а разрушение собственного дома — платой за метафизическое всемогущество. Инверсию и вытеснение невозможно изжить уговорами, потому что любая уступка извне считается подсознанием как слабость «Отца» и лишь питает иллюзию. Единственное, что способно разорвать этот порочный круг, — тотальное, бескомпромиссное принуждение к реальности. Вот как выглядит этот механизм «абсолютно во всем»: 1. Реальность физическая и военная (Конец иллюзии безнаказанности). Иллюзия: Радикальное сознание верит, что может совершать архаичные акты насилия (как 7 октября), а затем прятаться за спины мирных жителей, уповая на то, что «гуманный мир» или международное право остановят ответный удар. Принуждение к реальности: Полное, физическое уничтожение военной и административной структуры агрессора, несмотря на любые попытки манипуляции жалостью и вмешательства извне. Реальность должна войти в сознание через факт: деструктивное действие влечет за собой неотвратимое, физическое разрушение источника этого действия сформулированное нами в Законе конечности причины («Мгла. Учение о ненависти Гл.28 стр. 239»⁹). Иллюзия «неуязвимости» и «безнаказанности» должна быть разбита о бетон фактов. 2. Реальность экономическая и бытовая. (Конец «индустрии жертвенности»). Иллюзия: Десятилетиями палестинский социум существовал в уникальной искусственной экосистеме, где статус «вечного беженца» (передающийся по наследству через БАПОР/ UNRWA) полностью спонсировался Западом и арабским миром. Это позволяло не строить работающую экономику, а вкладывать все ресурсы в инфраструктуру ненависти (туннели, ракеты, пропаганду). Принуждение к реальности: Полный демонтаж институтов созависимости. Перевод общества на рельсы жесткой реальности: хочешь есть — работай, хочешь строить дома — не строй под ними бункеры. Гуманитарная помощь должна сопровождаться жестким аудитом и контролем. Пока внешний мир оплачивает палестинскому бессознательному возможность пребывать в бытии-во-лжи, оно никогда не повзрослеет. 3. Реальность историческая и геополитическая (Принятие «нехватки»). Иллюзия: Карта «от реки до моря», отрицание права Израиля на существование и вера в то, что «когда-нибудь мы прогоним всех евреев и вернемся в 1947 год». Это классический отказ признать время и необратимость истории. Принуждение к реальности: Жесткое фиксация статус-кво. Внешний мир и Израиль должны транслировать одну и ту же недвусмысленную реальность: прошлого не вернуть, карта такова, какова она есть, Израиль никуда не уйдет. Самоосознание начнется только тогда, когда иллюзия «великого реванша» станет технически и политически невозможной. Придется оплакать потерю прошлого и начать иметь дело с настоящим. 4. Реальность языковая и информационная (Называние вещей своими именами). Иллюзия: Языковой инфантилизм, где террористы называются «активистами» или «комбатантами», а явный цивилизационный регресс — «сопротивлением». Принуждение к реальности: Тоталь-

⁹ «Закон конечности причины в нашей формулировке звучит следующим образом: «Причина предопределяет последствия. При наступлении последствий мы понимаем причину как предпосылку и глубинное содержание последствий, поскольку финал истории соматически и материально разворачивает то, что изначально было заложено ее началом». Следствие обнаруживает суть причины. Выстроенный на некрофилии проект закономерно заканчивается тотальным небытием».

ная замена дискурса в образовании и медиа. Убийство — это убийство, террор — это террор, а военное поражение — это позорная катастрофа, вызванная собственными лидерами, а не «происки и козни врагов».

Доктрина принуждения к реальности в нашей формулировке гласит: «Реальность — это объективно явленный мир, фрагмент универсума, составляющий предметную область соответствующей науки; объективно существующие явления, факты, то есть существующие действительно, *factual* бытие правды истории, цивилизационных норм, законов и запретов независимо от воображаемых, заведомо ложных или псевдонаучных представлений, защищаемый от любого рода посягательств. Принуждение — государственное, процессуальное, конвенциональное или насильственное принуждение к полному восприятию реальности такой, каковой она является и предпосылается Доктриной, нормами, правилами, законами, запретами и фактами. Принуждение может и будет иметь место в случае посягательств любого рода на указанные нормы, правила, законы и запреты и продлится до тех пор, пока полное восприятие реальности не будет достигнуто с последствиями, предопределяемыми Законом конечности причины».

Именно такое тотальное «принуждение к реальности» имело место с нацистской Германией и милитаристской Японией в 1945 году. Оба этноса пребывали в тяжелейшем психопатологическом трансе («Мгле»), ведомые мифами о расовом всемогуществе и реванше. Их не пытались переубедить словами. Перелом и последующее здоровое самоосознание (немецкое покаяние и японское экономическое чудо) стали возможны только через абсолютную катастрофу их иллюзорного мира: тотальный разгром, оккупацию, денацификацию, демонстрацию преступлений режима собственному населению и полное переформатирование институтов жизни, то есть через созидательное разрушение. Таким образом, принуждение к реальности — это не акт жестокости, а акт глубокой, хотя и суровой, терапевтической помощи, единственный способ заставить этнос пройти через «кастрационный страх» не в иллюзорном бунте, а в реальном мире, признать свои границы, повзрослеть и выйти из метафизической западни «бытия-в-ненависти».

В психоанализе и философии принцип реальности формулируется как фундаментальный закон развития психики — это необходимость отказа от немедленного, иллюзорного удовлетворения желаний ради долгосрочного выживания и адаптации в реальном мире. Если переводить этот абстрактный тезис на язык авторов, (Фрейд, Лакан), применительно к коллективной психике, то принцип реальности формулируется через следующие ключевые аспекта: 1. Фрейд: «Примирение с необратимым и замена галлюцинации трудом». Фрейд формулирует принцип реальности через жесткую оппозицию Принципу удовольствия (*Pleasure Principle*). Младенческое состояние по Фрейду — незрелая психика (или радикализированный этнос) хочет получить всё и сразу в обход законов физики и логики. Если реальность не дает желаемого, психика уходит в галлюцинаторное исполнение желаний (мифы о тотальном реванше, культ мученичества). Формулировка реальности по Фрейду суть способность этноса сказать себе: «Мир устроен не так, как нам хочется. Мы не можем силой мысли или вспышками ярости уничтожить соседа. Мы должны признать внешние ограничения, переступить через свой кастрационный страх и начать долгий, скучный, созидательный труд по обустройству той реальности, которая дана». Таков переход от инфантильного разрушения к взрослому строительству. 2. Жак Лакан: «Принятие Символической Кастрации (Закона)» Лакан формулирует принцип реальности как столкновение с Порядком Символического — то есть с языком, законами общества и границами других людей. Формулировка реальности по Лакану: признание того, что «Другой» тоже существует. Радикальное сознание видит в соседе лишь объект для своей ненависти или проекцию Грозного «Отца». Принцип реальности наступает когда группа признает: Израиль — не галлюцинация, не временное недоразумение, а субъект, который имеет право на бытие, свои границы и силу. Принять реальность по Лакану — значит согласиться на «нехватку», понять,

что ты никогда не получишь «всё от реки до моря», и научиться жить в мире компромиссов и договоров. 3. Валерий Дашевский: «Рассеивание Мглы через Называние Вещей Своими Именами». В философии автора «Мглы. Учения о ненависти» принцип реальности формулируется как антидот против «Мглы». Мгла — пространство искаженных смыслов, где ненависть ослепляет человека, заставляя его видеть мир в перевернутом виде. Формулировка реальности по Дашевскому это мужество трезвого самоотчета. Это момент, когда этнос перестает винить во всех своих бедах внешнее зло и задает себе онтологический вопрос: «Что наша ненависть сделала с нами самими? Помогла ли она нам построить цветущее общество или превратила нашу жизнь в руины, ад и бесконечный цикл смертей?» Реальность формулируется как отказ от наркотика слепой ярости в пользу горькой, но исцеляющей правды о собственном положении. Такова главная формула принципа реальности для палестинского этноса. Если объединить эти подходы в одну прикладную формулу, то принцип реальности для коллективного сознания должен прозвучать так: «История необратима. Прошлого не вернуть. Мы уязвимы, и наша сила имеет предел. Враг никуда не исчезнет, и мы обязаны признать его существование. Наша ненависть разрушает нас сильнее, чем он. Единственный способ выжить — это перестать воевать с фактами и начать строить жизнь внутри границ, которые диктует нам реальный мир». Пока эта формула не будет принята и интегрирована в культуру, образование и политику, коллективное бессознательное будет раз за разом отбрасывать принцип реальности, выбирая вместо него галлюцинацию «вечной войны», которая неизбежно приводит к новым разгромам в реальности.

С позиций психоанализа и экзистенциальной философии, разгром Третьего Рейха и атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки были классическими, хотя и предельно жестокими примерами принудительного столкновения целых наций с принципом реальности. В обоих случаях государства и их народы находились в состоянии глубокого психопатологического транса («мглы»), ведомые коллективными иллюзиями всемогущества, расового или божественного превосходства и отрицания законов окружающего мира. Вот как это столкновение с реальностью сработало в обоих исторических прецедентах: 1. Нацистская Германия: Крах мифа о всемогуществе. Немецкое общество 1930–40-х годов жило в галлюцинаторном поле «Тысячелетнего Рейха». Нацистская идеология вытеснила реальность и заменила её мифом, где фюрер обладал абсолютным авторитетом, а законы морали, географии и ресурсов были отменены ради «воли к власти». Столкновение с реальностью: Разгром 1945 года, советские танки в Берлине, тотальное разрушение немецких городов и последующая оккупация союзниками уничтожили эту галлюцинацию. Реальность вошла в сознание немцев через физический крах. Результат: когда иллюзия была разбита силой, нации пришлось пройти через тяжелейший психоаналитический процесс — признание вины, скорбь по разрушенной идентичности и, как следствие, глубокое переформатирование (денацификацию). Германия была принудительно возвращена в реальный мир, где агрессия привела к самоуничтожению. 2. Милитаристская Япония: «Услышать невыносимое». Японское коллективное бессознательное периода Второй мировой войны базировалось на религиозно-мистическом культе. Император считался живым богом (Ками), а японская нация — непобедимой духовной силой. Даже когда военное поражение стало очевидным на уровне цифр и фактов, военная верхушка и общество отказывались признавать реальность, выбирая концепцию «100 миллионов смертей за императора» (тотальное самоуничтожение ради мифа). Столкновение с реальностью: атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки продемонстрировали Японии силу совершенно иного порядка — холодную, технологическую, непреодолимую реальность физического мира. Это был абсолютный кастрационный удар по мифу о божественной неуязвимости. Результат: В своем историческом радиообращении к нации император Хирохито произнес ключевую фразу: «Мы должны вынести невыносимое и пережить непереживаемое». Это и была вербальная формула принятия принципа реальности. Император признал себя человеком, Япония капитулировала, отказалась от милитаризма и перенаправила всю свою колоссальную энергию из

разрушения в созидание, совершив японское экономическое чудо. Сработал общий метафизический закон. Эти примеры показывают страшный, но универсальный закон истории: если коллективное сознание нации или этноса уходит в глубокий отрыв от реальности, то вернуть его обратно беседами и заклинаниями невозможно. Волю нельзя умиловить, ее надо сокрушить. Катастрофы Рейха и Хиросимы была минута истории, когда объективная реальность грубо и бескомпромиссно взламывала замкнутый психотический мир агрессоров и только после этого полного краха иллюзий началось подлинное самоосознание и исцеление. Утверждение, что реальность тотальна означает, что всё существующее исчерпывается реальностью, вне её ничего нет, и она охватывает абсолютно любые аспекты бытия, опыта, материи и сознания. Смысл понятия – Всеохватность. Реальность не оставляет места ничему «нереальному», трансцендентному или пустому, поскольку даже иллюзии, фантазии и виртуальные миры физически существуют как мысли или сигналы в мозге. Философский контекст означает, что в онтологии это утверждение подчеркивает самодостаточность бытия. Всё, с чем мы сталкиваемся — от квантовых частиц до абстрактных идей, — принадлежит единому полю реальности. Тезис «принуждения к реальности» в контексте развенчания национальных мифов означает жесткий, часто болезненный процесс, когда государство, общество или отдельный человек сталкиваются с фактами, разрушающими идеализированные исторические нарративы. Этот термин метафорически перекликается с военно-политическим понятием «принуждение к миру», но переносится в сферу идеологии, исторической памяти и коллективного сознания. Как происходит «принуждение к реальности», понятно. Национальные мифы (о вечной справедливости своей нации, исключительном мессианстве, отсутствии исторических ошибок) создают защитный «кокон» (капсулу). Принуждение к реальности происходит, когда этот кокон прорывается под воздействием внешних или внутренних факторов: 1. Доступ к первоисточникам: 2. Открытие секретных архивов, публикация документов и независимые исторические исследования, которые невозможно игнорировать. 2. Исторические катастрофы: военные поражения, экономические крахи или распад государственных систем, которые наглядно показывают несостоятельность официальной пропаганды, что является ядром тематического плана телемарафона, сопровождающего процесс денацификации от начала. 4. Внешнее давление: требования международного сообщества, судов или признания исторических преступлений (например, процессы денацификации или признания геноцида в порядке примирения). Основные этапы столкновения с реальностью таковы: этап Реакция общества / индивида. 1. Отрицание и агрессия, защитная реакция. Факты объявляются «фальсификацией», «враждебной пропагандой» или «попыткой очернить историю». (стадия принятия правды. эпохи воздаяния, переработки горя). 2. Разочарование и кризис идентичности. Осознание того, что привычная картина мира была ложной, что вызывает глубокую общественную травму и потерю ориентиров. 3. Принятие и рефлексия. Начало трудной работы над ошибками, интеграция неудобной (неприятной) правды в национальную историю, переосмысление прошлого без идеализации, процесс всегда глубинно травматичен для коллективного сознания, так как лишает общество привычной черно-белой картины мира, где «мы — всегда жертвы или герои», и заставляет принять историю во всей её сложной и неприглядной полноте.

В контексте противостояния радикальным идеологиям, таким как джихадизм, концепция «принуждения к реальности» приобретает специфический характер. В отличие от классических государств XX века (Германия, Япония), обладавших территорией, городами и централизованными институтами, современный транснациональный джихадизм опирается на децентрализованную эсхатологическую утопию. Чтобы понять, способна ли реальность сломить «волю к ненависти» в данном случае, необходимо разделить этот процесс на физический и идеологический уровни. 1. Физический уровень: Разрушение земного «халифата». Наиболее близким аналогом разгрома Рейха в XXI веке стало военное уничтожение территориального проекта ИГИЛ (запрещенная террористическая организация). Суть мифа: Джихадистская про-

паганда строилась на идее неотвратимого триумфа, божественного покровительства и создания «идеального государства» здесь и сейчас. Это привлекало тысячи добровольцев со всего мира. Столкновением с реальностью стало тотальное военное поражение, потеря территорий, деградация инфраструктуры и гибель лидеров, мощнейший удар по «привлекательности этого бренда». Реальность показала, что «халифат» не защищен от современных вооружений, а его существование закончилось физическим коллапсом и нищетой. На этом уровне принуждение к реальности эффективно подрывает мобилизационный потенциал.

2. Идеологический уровень: феномен мученичества. Главная сложность в применении «тотального принуждения» к джихадизму кроется в самой природе его доктрины с ее культом смерти. Если для нацизма или японского милитаризма физическое уничтожение городов и крах государства означали окончательное поражение их земных целей, то для радикального джихадизма земное поражение может интерпретироваться как «испытание» или приближение Конца света. Заявлена асимметрия ценностей. Физическое давление и гибель в бою в рамках этой идеологии часто романтизируются как мученичество (шахадат), посему исключительно внешнее силовое воздействие не всегда рушит «волю к ненависти», а иногда может временно ожесточать оставшихся сторонников, переводя их в подполье. Чтобы полностью сломить эту волю, одного военного разгрома недостаточно. Тотальное возвращение в реальность для носителей таких идей включает в себя:

1. Дедемонизация через факты: Обнародование реальных задокументированных преступлений, коррупции и лицемерия лидеров радикальных группировок внутри их собственного информационного поля. Когда сторонники видят, что их «святая война» на деле является геополитическим бизнесом или криминалом, миф рушится.
2. Альтернативная жизненная реальность: экономическая и социальная стабилизация регионов. Реальность, в которой у молодого поколения есть доступ к образованию, безопасности, работе и самореализации, лишает радикальные нарративы фундамента, предлагая жизнь ради жизни. Сытое, развивающееся общество сложнее убедить в необходимости тотального саморазрушения, так, по крайней мере, до резни положили в Израиле.
2. Богословский демонтаж. Внутренняя исламская интеллектуальная и теологическая критика, которая показывает, что догмы джихадистов искажают традицию и ведут к тупику. Таким образом, если в 1945 году для принуждения к реальности было достаточно физической капитуляции государств, то в случае с джихадизмом военное сокрушение — это лишь первый, обязательный, но недостаточный шаг. Окончательное излечение от ненависти происходит, когда реальность повседневной мирной жизни и её созидательные перспективы полностью обесценивают радикальную утопию столкновением с реальностью, политическими процессами и исполнением приговоров.
4. Признание исторической правды и преодоление правового нигилизма — это фундамент, без которого невозможно окончательное «принуждение к реальности» любой деструктивной идеологии. Военная сила может уничтожить инфраструктуру террора, но только правовые институты и честный взгляд на историю способны демонтировать его ментальную основу. Вот как эти два фактора работают на практике:

1. Отказ от правового нигилизма: Сила закона против культа силы. Радикальные движения всегда опираются на правовой нигилизм — они отрицают международное право, суверенитет государств и универсальные права человека, заменяя их собственной жесткой и вольной интерпретацией догм.
2. Переход от «войны» к «правосудию»: когда лидеров и участников радикальных группировок не просто уничтожают на поле боя, а судят в рамках прозрачных юридических процедур (как это было в Нюрнберге или на специальных трибуналах ООН), их лишают статуса «героических мучеников». Они становятся обычными подсудимыми, чьи преступления скрупулезно доказываются.
3. Фиксация преступлений: Судебный процесс переводит мифы в категорию юридических фактов. Протоколы, показания свидетелей и экспертизы создают массив неопровержимых доказательств, которые невозможно замолчать. Это заставляет общество, поддерживавшее радикалов, увидеть правовую реальность своих действий. (Нюрнберг над Хамасом/Палестинством/Террором/ должен вылиться в Судебный Теленарратив, в Теле-

процесс над Террором). 4. Признание исторической правды, разрушение фундамента ненависти. Джихадизм (как и нацизм) паразитирует на искаженной истории, бытии-во-лжи («Мгла. «Учение о ненависти»). Он конструирует миф о «золотом веке», который якобы был разрушен внешними врагами, и использует реальные или вымышленные исторические обиды для оправдания насилия в настоящем, избранной славы по Волкану. 5. Деконструкция обид переработкой горя по Волкану. Признание исторической правды требует смелости от обеих сторон. С одной стороны, мировое сообщество должно честно признавать свои прошлые геополитические ошибки (например, колониальные перегибы или последствия неудачных интервенций, в нашем случае поддержку «сопротивления» в Метанарративе Палестинства), чтобы лишить радикалов роли «единственных защитников угнетенных». 6.. Разоблачение внутренней лжи: С другой стороны, это принуждение самого пораженного общества признать, что путь террора принес их собственному народу только разрушение, регресс и страдания, а не обещанное величие. Без этого признания любое поражение будет восприниматься лишь как временная «несправедливость», требующая реванша¹⁰. По Ницше Преодоление мстительности – это одновременно изменение всей позиции по отношению к бытию всего сущего в целом. Пространство, свободное от мести, предполагает мышление, пронизанное духом свободы. Здесь проблема мести и избавления от нее не является лишь сферой этики и морального воспитания, как нельзя относить к психологии само стремление к мести как базисной черты человека и его мышления. Даже у Ницше, речь идет о сущностной природе человека и проистекающем из нее фундаментальном отношении к бытию. Если человек не способен удерживать свою природу открытой бытию, то он оказывается безмолвным как раз онтологически, т. е. существом, не чувствующим боли в трещинах бытия. Но даже если он сохраняет присущую ему бесчувственность и безмолвие, то все равно его природа уже, так или иначе, открыта бытию. Мышление может подготовить осознание этого события, но само по себе оно беспомощно в деле спасения человека. Реальная открытость человека в его соотнесенности к бытию является необходимым, но недостаточным условием его спасения. В конечном счете, право и правда — это главные инструменты верификации реальности. Военная победа лишь создает безопасное пространство, в котором правовые институты и историческая рефлексия могут начать свою долгую работу по демифологизации сознания.

Идея проведения масштабного судебного процесса, аналогичного Нюрнбергскому трибуналу, над террористическим крылом ХАМАС (включая спецподразделение «Нухба», ответственное за резню 7 октября) обсуждается как на израильском, так и на международном уровне в качестве ключевого элемента восстановления справедливости. Перевод этой инициативы в плоскость общенародного политического и правового процесса — прямая попытка тотального «принуждения к реальности» как для палестинского общества, так и для тех сил в мире, которые романтизируют или оправдывают радикальный террор. Реализация такого процесса призвана решить несколько фундаментальных задач, направленных на демонтаж мифов: 1. Демифологизация «сопротивления». Для долгосрочного мира критически важно изменить статус ХАМАС в глазах населения Газы и Иудеи со «священного сопротивления» на организаторов национальной катастрофы с обвинением в гибели тысяч людей так называемого «гражданского населения» и разрушения Газы, превращенной им в укрепленный район боевых действий планом Синвара. 2. Юридическая фиксация. Публичный трибунал с трансляцией на арабский мир должен сфокусироваться не на абстрактных политических лозунгах, а на конкретных, задокументированных преступлениях: убийствах мирных жителей, сексуальном насилии, использовании гражданского населения Газы в качестве живого щита и разворовывании гуманитарной помощи. 3. Разрушение культа. По аналогии с Нюрнбергом, где лидеры Рейха из «сверхлюдей» превратились в растерянных подсудимых в наушниках, лидеры и боевики «Нухбы» на скамье

¹⁰ В теленарративе должны быть свидетельства самих палестинцев, угнетаемых ХАМАС.

подсудимых должны предстать перед своим народом не как «мученики», а как военные преступники, нарушившие фундаментальные законы человечности и исламской этики ведения войны. 4. Преодоление правового нигилизма внутри анклава. ХАМАС годами выстраивал в Газе систему, где сила доминирует над правом, а международные конвенции полностью игнорируются, что, благодаря Рамалле, пропаганде «сопротивления» и пандвижению фрипалестинства сходило им с рук десятилетиями. Публичный процесс, основанный на строгих юридических процедурах, праве на защиту и неопровержимых уликах (включая записи с нательных камер самих террористов, их допросы и внутренние документы), должен продемонстрировать неотвратимость цивилизованного правосудия. Это альтернатива хаосу и культу смерти, которую радикалы навязывали обществу признанием палестинской идентичности. 5. Международное «принуждение к реальности». Политический процесс такого масштаба необходим для глобального сообщества. Он призван поставить жесткую правовую и моральную точку в дискуссиях, разделяя право на национальное самоопределение и сознательный, системный террор. Задokumentированная в ходе суда правда лишает сторонников радикальных движений на Западе и в других регионах возможности использовать риторику «политической двусмысленности».

Трудности на пути к «Палестинскому Нюрнбергу» очевидны. Чтобы процесс стал действительно «общенародным» и привел к катарсису, необходимо преодолеть колоссальные вызовы: Легитимность трибунала: 1. Если суд будет восприниматься исключительно как внутренний израильский военный трибунал, палестинская улица может отвергнуть его результаты как «суд победителей». Для максимального эффекта требуется участие авторитетных международных юристов, в том числе из умеренных арабских стран, которые признают универсальность гуманитарного права с длительным телепроцессом (термин) предварительной предсудебной подготовки, заслушиванием свидетелей, рассмотрением доказательств, то есть с формированием коллективного обвинения израильтян и палестинцев, потерпевших от ХАМАСа, поддерживаемого спонсорами, прямо и косвенно. 2 Информационный кокон: пропаганда радикальных групп чрезвычайно пластична. Любые признания подсудимых они будут пытаться объявить «результатом пыток», а сам процесс — «шоу». Прорвать его можно только беспрецедентным уровнем прозрачности и публикацией сырых, неоспоримых массивов данных. В реальной истории «Нюрнберг над нацизмом» сработал потому, что Германия была полностью оккупирована, а её население физически столкнулось с последствиями войны. В случае с ХАМАС судебный процесс над «Нухбой» станет успешным «принуждением к реальности» только в том случае, если он будет интегрирован в глобальную стратегию изменения системы образования, управления и безопасности в регионе, чтобы у уцелевших носителей этой идеологии не осталось возможности спрятаться за старыми мифами параллельно с обнародованием Плана Новой Палестины в «Проекте ради жизни», предложенном здесь гореванием и прощанием с террористическим прошлым в ритуализированном Нюрнберге. Важно, чтобы в качестве предпосылок и условий существования ХАМАСА расследовались примеры палестинского образования, этой всепалестинской фабрики террора, генератора бесконечной лжи, в порядке принуждения к реальности судебной подготовки.

Процесс над боевиками «Нухбы» и руководством ХАМАС должен представлять собой не просто крупнейший уголовно-правовой прецедент в истории современного Ближнего Востока, но и прямую конфронтацию с «политической религией сопротивления» (мукавама), десятилетиями формировавшей палестинский национальный нарратив, изложенной в Хартии ХАМАСа 1988 года. В мае 2026 года Кнессет Израиля подавляющим большинством (93 голоса «за») утвердил фундаментальный закон о специальном военном трибунале для суда над участниками резни 7 октября. Этот процесс призван стать главным инструментом демифологизации палестинского радикализма на нескольких уровнях. 1. Подсудимые «Нухбы»: переход от «мучеников» к обвиняемым в геноциде. В рамках трибунала, на организацию которого

выделено более 350 миллионов долларов, обвинения предъявляются примерно 400 боевикам ХАМАС. Юридическая квалификация: Одной из главных особенностей процесса является возможность судить боевиков по израильскому закону 1950 года о предотвращении геноцида и наказании за него. Это переводит действия ХАМАС из категории «актов партизанской борьбы» или «асимметричного ответа» в категорию тяжчайших преступлений против человечности. Высшая мера: Новый закон допускает применение смертной казни по решению большинства судейской коллегии, что является экстраординарным шагом для израильской правовой системы (где смертная казнь не применялась с 1962 года, со времен суда над Адольфом Эйхманом).

2. Развенчание (развоплощение) «Политической религии сопротивления». Палестинская мукавама (сопротивление) — не просто политическая платформа, а секуляризованный культ, где самопровозглашенная нация воспринимается через призму вечной борьбы, а высшей ценностью провозглашается шахадат (мученическая смерть в бою). ХАМАС успешно монополизировал этот культ, используя его как щит от любой критики за нищету и разрушения в Газе. Спецтрибунал бьет по основам этой «политической религии» через три фактора:

1. Публичность и открытые трансляции. Согласно закону, судебные заседания транслируются онлайн. Мир и, главное, арабское общество видят не пафосные пропагандистские ролики, а сухие факты: видеозаписи с нательных камер самих террористов, показания выживших и признания подсудимых. Это превращает «сакральный подвиг» в задокументированное садистское преступление.
2. Исключение из обменных фондов. Закон прямо закрепляет, что лица, осужденные за преступления 7 октября, не могут быть освобождены в рамках будущих сделок по обмену пленными, если таковые впредь будут иметь место. ХАМАС десятилетиями строил свою легитимность на обещаниях «освободить всех узников». Пожизненное заключение или казнь без права на обмен разрушают этот ключевой миф о силе террористического шантажа, что будет конкретизировано нами в проекте новой военной доктрины.
3. Трудности процесса. Кокон восприятия (об этом ниже). Несмотря на колоссальный массив улик, принуждение к реальности через этот суд столкнется со сложным сопротивлением: Обвинения в «суде победителей»: Правозащитные организации и палестинские спикеры (включая ПА) критикуют трибунал за процедурные допущения (упрощенный порядок работы с доказательствами) и называют его политическим инструментом, а не чистым правосудием, что мы не обязаны отрицать и с учетом статуса террористов вне закона *Hostis humani generis* («Мгла. Учение о ненависти» Гл. 28 Стр. 236). (длительный процесс подготовки в Теленарративе превращает эту слабость в силу)
4. Идеологический иммунитет: Для фанатичных сторонников сопротивления даже смертный приговор подсудимым может быть интегрирован в миф о «жертвенности ради Палестины». Поэтому суд над «Нухбой» — лишь начало процесса. Настоящее поражение «политической религии сопротивления» произойдет тогда, когда палестинское общество увидит полную юридическую и моральную несостоятельность ХАМАС, который привел свой народ к национальной катастрофе, прикрываясь лозунгами о святой войне. (выстраивание процесса по теории Окон Овертона «невозможное возможно, немыслимое произошло», должно быть в памяти человечества с соответствующими определениями и терминологией «Мглы»). Для того чтобы этот процесс действительно разрушил внутренний миф палестинского сопротивления должна вестись информационная кампания на арабском языке, Израиль должен ли привлекать к оценке преступлений мусульманских правоведов из умеренных стран, чтобы они дали теологическую оценку действиям ХАМАС, чья позиция, кстати, была определена ими сразу после 7 октября.

Важно помнить, что определение палестинского культа «сопротивления» как этнопатологии ресентимента объяснение и обоснование того, почему эта идеология столь устойчива к рациональным доводам. Ресентимент (по Ницше и Шелеру) — не просто обида, а глубинное чувство бессилия и зависти, при котором субъект не пытается справиться свое положение через созидание, а переопределяет ценности: слабость и статус «вечной жертвы» возводятся

в ранг высшей добродетели, а уничтожение успешного соседа становится главной жизненной целью («Мгла. Учение о ненависти» Гл. 2 Стр. 8-13). Когда ресентимент становится основой национальной идентичности, формируется этнопатология — состояние, в котором общество готово жертвовать собственным будущим, детьми и благополучием ради продления деструктивного мифа. Механика палестинского ресентимента как этнопатологии («Мгла. Учение о ненависти Гл. 2-5 Стр. 19, 25, 42-51) 1. Инверсия ценностей и культ Накбы. Центральной точкой палестинской идентичности сделана «Накба» (катастрофа 1948 года). Вместо того чтобы строить функционирующее общество на подконтрольных территориях (как это делали другие беженцы XX века), идентичность была законсервирована в статусе «вечного изгнанника». ХАМАС довел это до абсолюта: жизнь палестинца имеет ценность только как инструмент нанесения ущерба Израилю («вымышленная травма», компенсация «Мгла. Учение о ненависти Гл. 21 Стр. 245, 379, 381, 425). 2. Культ смерти как психологическая компенсация. Поскольку в объективной реальности (технологической, экономической, военной) радикальное движение проигрывает, ресентимент находит выход в «политической религии мученичества» (шахада). Бессилие на поле боя компенсируется готовностью умирать и убивать гражданских. Смерть сакрализуется, потому что это единственное, в чем террорист чувствует свое абсолютное «превосходство» над ценящим жизнь западным или израильским обществом. (предмет конференций при подготовке Нюрнберга над террором). 2. Правовой и моральный иммунитет жертвы. (обоснование правового нигилизма). Этнопатология ресентимента создает мощную психологическую защиту: «Поскольку мы угнетенные жертвы, нам дозволено всё. Любое наше зверство — это лишь ответ, за который мы не несем моральной ответственности». Именно этот миф позволяет боевикам «Нухбы» совершать преступления, документировать их на видео и искренне считать себя героями, а не садистами. 3. Суд над «Нухбой» как психотерапия «жестким принуждением». (отрицание право другого, злокачественный этнонарциссизм. театрализация террора). Процесс над ХАМАС в рамках израильского спецтрибунала — попытка взломать эту этнопатологию методами шоковой юридической терапии. Суд, между тем, должен разрушить внутреннюю логику ресентимента: 1. Лишение статуса жертвы: судебный процесс юридически переводит палестинский радикализм из категории «угнетенных, борющихся за свободу» в категорию активных палачей и организаторов геноцида. Когда на скамье подсудимых сидят конкретные убийцы, прятавшиеся в туннелях за спинами собственных детей, миф о «благородном сопротивлении» сталкивается с убогой и трусливой реальностью. 2. Разрушение иллюзии безответственности. Главный урок «принуждения к реальности» для общества, пораженного ресентиментом, заключается в осознании, что за каждым действием следует персональная и коллективная катастрофа, и статус жертвы («беженцев») больше не является индульгенцией. Поражение Германии в 1945 году раз навсегда излечило немецкое общество от расовой патологии именно потому, что тотальный крах разрушил иллюзию их правоты. Палестинский ресентимент может быть излечен только тогда, когда цена следования этому мифу (полный демонтаж инфраструктуры террора, смертные приговоры лидерам без права обмена, международный позор, казнь в присутствии родственников жертв) станет абсолютно невыносимой, а альтернативный путь — признание права соседа на существование и созидание собственного государства — останется единственным способом физического выживания. Для более глубокого понимания исследовать в ходе процесса над «Нухбой» финансово-политическую коррупцию верхушки ХАМАС (чтобы показать палестинцам, как наживались на их ресентименте) и психологические допросы рядовых боевиков, раскрывающие механизмы дегуманизации.

Понятие «избранной травмы» (термин з Волкана) и Хайдеггеровское по форме «бытие-в-ненависти» идеально описывают конструкт, который сегодня можно назвать «Палестинством» как специфической политико-идеологической идентичности. Это не просто национальное самосознание, а искусственно созданная и абсолютизированная онтология, где само суще-

ствование этноса возможно только через отрицание и уничтожение Другого. 1. «Избранная травма» как ядро идентичности. По Волкану, «избранная травма» — это историческое событие, вымышленное или подлинное (в данном случае Накба 1948 года), трансформируемое коллективной психикой. Вместо того чтобы переработать её, оплакать и двигаться дальше, этнос делает травму цементом нации. 2. Консервация статуса беженца. Уникальность палестинского кейса в том, что это единственная группа в мире, где статус беженца передается по наследству уже в четвертом поколении (через специальное агентство БАПОР/UNRWA). Это институциональное закрепление травмы. 3. Запрет на исцеление: В парадигме «Палестинства» успешная интеграция, экономическое процветание или построение мирной жизни в Газе или других странах воспринимаются как предательство. Быть палестинцем в этой парадигме — значит быть вечно ущемленным, несчастным, ненавидящим и требующим реванша. 4. «Бытие-в-ненависти» как способ существования. Если нормальная идентичность строится на созидательных ценностях (язык, культура, созидание государства, экономика), то «палестинство» как этнопатология перешло в режим «бытия-в-ненависти». Таков экзистенциальный тупик, в котором ненависть — сверхсмысл, определяющий бытие. Без израильтян как объекта ненависти этот идеологический конструкт теряет смысл. Если Израиль завтра исчезнет, палестинское общество, построенное на этой матрице, сколлапсирует, так как у него нет внутренних позитивных скреп. 5. Инфраструктура войны вместо строительства государства. Все ресурсы (миллиарды долларов международной помощи) десятилетиями вливались не в школы, больницы или заводы, а в подземные туннели, ракеты и воспитание детей в культах смерти. Ненависть стала главным экспортным товаром и основой экономики. 6. Процесс над «Нухбой» как онтологический слом или Закон конечности причины в действии. Когда мы говорим о суде над ХАМАС и «Нухбой» как о «принуждении к реальности», этот процесс должен стать не просто уголовным судом, а онтологическим демонтажем «Палестинства». Юридическое вскрытие «избранной травмы» как вымышленной и исторической вины арабских государств в войне 1948 года. Суд должен наглядно показать, что миф о «благородных борцах с оккупацией» привел к банальному, ничтожному садизму и насилию 7 октября. Это лишает травму её сакрального, «мученического» ореола, превращая её в позорное уголовное преступление. 7. Конец правового нигилизма. Процесс возвращает палестинское сознание из метафизики «вечной борьбы за справедливость» в жесткие рамки земного уголовного права. Боевик «Нухбы» на скамье подсудимых — это не воин Аллаха и не герой сопротивления, это субъект права, совершивший геноцид и подлежащий изоляции или ликвидации. (цена бытия-во-лжи и метанарратива палестинства. крушение Палестинского квазисимулякра). 8. Обнаrodование цены «бытия-в-ненависти». Реальность, к которой принуждают это общество — руины Газы, уничтожение руководства ХАМАС, вечный тюремный срок и казнь для исполнителей. Суд фиксирует конечность причины - бытие-в-ненависти биологически и исторически обречено. Оно ведет к тотальной физической и моральной аннигиляции того, кто его исповедует. (признание симулякра таковым как помрачение или порок коллективного сознания) . Точно так же, как союзники в 1945 году принудили немцев отказаться от «арийского бытия-в-превосходстве», заменив его правовым государством и рефлексией, деконструкция «палестинства» возможна только через полное сокрушение его мифов, признание исторической правды и жесткое правовое наказание носителей этого культа.

Необходимо полагаю, сказать о «Мгле. Учении о ненависти» несколько слов, больше уместных в предисловии, если бы оно было, о том, как по замыслу ее следует воспринимать. Мне представлялось, что она жизненно необходимо стране, втянутой в западню Синвара резней, без информационного сопровождения, что было большим провалом, нежели провал армии и спецслужб 7 октября. О книге пишут, что она действительно служит идеологическим и онтологическим манифестом для готовящегося судебного процесса над ХАМАС и боевиками «Нухбы», совершая критический теоретический переворот тем, что выводит про-

блему из плоскости стандартного территориально-политического спора и переводит её в категорию биополитической клинической патологии. Книга концептуально обосновывает, почему обычные правовые лекала мирного времени неприменимы к структуре тотального террора. 1. «Мгла» обосновывает спецтрибунал, предлагая готовую теоретическую базу, на которую юридическое сообщество и израильский трибунал могут опираться для легитимации экстраординарных мер правосудия, когда ненависть — онтология, а не аффект. Ибо мы имеем дело не со вспышками гнева или реакцией на «оккупацию», а с «бытием-в-ненависти» как тотальным способом существования. Ненависть стала цементирующей основой, формирующей саму ткань социальных отношений, язык и институты воспитания у палестинского общества. Судебный процесс, таким образом, обоснуется не как месть, а как хирургическая деструкция этой деструктивной онтологии. 2. Деконструкция «языка сопротивления». Автор препарировывает концепт Мукавамы (сопротивления), доказывая, что за ним скрывается глубинная системная этнопатология арабского ресентимента, где «сопротивление» — фасад для легализации хтонического насилия и садизма, что дает трибуналу правовую автономию полностью игнорировать любые аргументы защиты, апеллирующие к «национально-освободительной борьбе». 3. Обоснование «пространства исключения». Развивая идеи Мишеля Фуко, книга описывает сектор Газа под властью ХАМАС как тотальное пространство исключения, где правовой нигилизм и культ смерти заменили государственность. Из этого логически вытекает правовая необходимость экстраординарного трибунала: если преступная система исключила себя из универсального человеческого права ради совершения геноцида, то и суд над ней должен быть исключительным (включая применение смертной казни и отмену права на амнистию/обмен). 4. Суд над ХАМАС как реализация выводов «Мглы». Когда трибунал судит «Нухбу» за геноцид, он буквально реализует выводы нашего исследования — переводит подсудимых из мифического статуса «символов сопротивления» в статус материальных носителей этнопатологии. Публичное вскрытие их преступлений в суде становится той самой интеллектуальной и правовой «дезинфекцией», которая призвана рассеять идеологическую мглу. Это тотальное принуждение к реальности, зафиксированное юридически, превращает судебные залы в пространство, где разрушается сама метафизическая возможность оправдания террора.

Исследование Палестинства в данном контексте перестает быть просто академической философией и превращается в концептуальное оружие стратегического назначения. Когда интеллектуальный анализ с такой точностью препарировывает онтологию врага, он дает армии, спецслужбам и юристам главное — ясность целей и методологию действий. Для силовых структур и органов безопасности всестороннее обоснование «бытия-в-ненависти» как клинической патологии меняет саму парадигму противодействия: 1. Для спецслужб: это инструмент оперативного демонтажа. Понимание того, что радикальный кокон держится на «избранной травме» и искусственном ресентименте, позволяет точно бить по информационным узлам, вскрывать коррупцию лидеров и разрушать сакральный миф изнутри, переводя фокус внимания масс на убогую реальность их вождей. 2. Для армии и тактического планирования: это избавление от опасных иллюзий мирного времени. Если противник находится в состоянии «этнопатологии», любые попытки умиротворения, экономических уступок или «покупки тишины» воспринимаются им лишь как слабость и ресурс для нового витка агрессии. Книга легитимирует необходимость бескомпромиссного физического сокрушения инфраструктуры террора как единственного понятного для этой системы языка реальности. 3. Для трибунала и правового поля это щит против международного правового нигилизма и попыток Запада навязать дискурс «симметричной вины». Концепция «Мглы» дает судьям и прокурорам прочный фундамент, чтобы квалифицировать действия «Нухбы» и ХАМАС не как политический протест, а как абсолютное, системное зло, подлежащее полному и необратимому искоренению. «Принуждение к реальности» в данном случае — это совместная работа штыка, закона и сухой, документированной правды. Процесс над ХАМАС, подкрепленный такой интеллектуальной базой,

призван не просто наказать исполнителей, а провести глубокую санитарную зачистку региона от идеологического культа смерти. Сочетание физического сокрушения («шныка») и тотального концептуального демонтажа («слова») на таком глубинном философском уровне — действительно уникальный исторический прецедент. Если классические трибуналы прошлого (тот же Нюрнберг) опирались главным образом на строгое позитивное право и фиксацию нарушений законов ведения войны, то грядущий процесс над «Нухбой» имеет все шансы стать первым онтологическим и биополитическим судом. Уникальность этого прецедента заключается в том, что: 1. Интеллектуальная база опережает юридические дебаты: «Мгла. Учение о ненависти» не оставляет террору возможности спрятаться за привычную софистику. Она лишает обвиняемых лазейки под названием «борьба за свободу». 2. Право становится инструментом исцеления, а не просто наказания: Суд призван вскрыть и деконструировать саму этнопатологию ресентимента. Этот синтез доказывает: чтобы сломить укоренившуюся политическую религию ненависти, недостаточно просто разрушить её бункеры — нужно лишить её метафизического права на существование, предъявив миру её убогую, задокументированную реальность.

4.

3.

ПРОЖИВАНИЕ ГОРЯ.

Право не рождается из беззакония (*Ex injuria jus non oritur*).

Если Рим, крестоносцы или британцы управляли этой землей на основании силы, это было фактом завоевания, но не рождало у них законного «исторического права».

Насилие и гонения не аннулируют законный титул жертвы.

Титул сохраняется, пока жива воля

(*Animus revertendi* — намерение вернуться).

Проживание (или работу) вины как процесс горевания в психоаналитической и философской традиции обосновал немецко-американский психоаналитик Александр Мичерлих (совместно со своей женой Маргерет Мичерлих) в знаменитой работе «Неспособность горевать» (1967). В контексте анализа коллективной вины наций они продемонстрировали, что отказ от инфантильной проекции («все беды из-за внешнего врага») и признание собственной ответственности неизбежно требуют прохождения через полноценную «работу горя» (*Trauerarbeit*). Возврат вины внутрь субъекта запускает меланхолический процесс и глубокое оплакивание разрушенных идеалов, без которых невозможно истинное искупление и психологическое взросление социума. Сопоставление теории коллективного горевания Александра и Маргерет Мичерлих и теории миметического (подражательного) насилия Рене Жирара открывает глубокий взгляд на то, как человеческие сообщества справляются со своими внутренними кризисами и виной. Хотя исследователи шли из разных дисциплин (Мичерлихи — из психоанализа, Жирар — из антропологии и литературоведения), их концепции описывают две стадии одного процесса - механизм катастрофы (Жирар) и путь выхода из неё (Мичерлихи). Точки пересечения и различия двух теорий - теория миметического насилия (Р. Жирар) и теории неспособности горевать (А. и М. Мичерлих) Источник кризиса 1. Миметическое желание. Люди подражают желаниям друг друга, из-за чего возникает тотальное соперничество и хаос. 2. Утрата иллюзий. Крах ложных идеалов (например, культа вождя) или совершение преступлений, которые эго не может переварить. 3. Инфантильная защита в поиске «козла отпущения». Община единодушно переносит всю вину за хаос на случайную жертву и уничтожает её. 4. Отрицание и проекция. Обвинение внешних врагов, дереализация прошлого, уход в депрессивное оцепенение. 5. Статус вины. Вина скрыта. Сообщество искренне

верит, что жертва виновна. Разоблачение механизма разрушает его терапевтический эффект. 6. Вина вытеснена. Сообщество подсознательно чувствует вину, но защищается от неё, так как признание разрушит эго. 7. Путь к исцелению Осознание невинности жертвы. Понимание того, что «козел отпущения» — лишь экран для наших проекций. Работа горя (Trauerarbeit). Проживание вины через оплакивание, отказ от нарциссического величия и принятие реальности. Главный конфликт тут — внешний «козел отпущения» против внутреннего «горя»¹. Фаза Жирара: Проекция вовне (Инфантильная позиция) По Жирару, когда в обществе нарастает внутреннее напряжение («миметический кризис»), люди не способны признать, что враг находится внутри каждого из них. Чтобы не уничтожить друг друга, они бессознательно объединяются против «козла отпущения» (в нашем контексте — внешнего врага или другой группы). Пока община верит в виновность жертвы, она чувствует временное облегчение и катарсис. Это и есть инфантильная позиция, о которой мы упомянули: «Мы чисты, а источник зла — вовне». 2. Фаза Мичерлихов: Возврат вины (Взросление). Мичерлихи подключаются там, где жираровский механизм дает сбой — когда миф о «виновном внешнем враге» рушится, и общество сталкивается с реальностью собственных ошибок. Вместо того чтобы искать нового «козла отпущения», социум должен развернуть вектор внимания внутрь себя (осознание). Возврат вины означает крах нарциссического эго. Общество понимает: «Мы сами сотворили это». По Мичерлихам этот момент невыносимо болезнен. Единственный способ не уйти в психоз или новое насилие — это горевание. Нужно оплакать свои ложные идеалы, признать нанесенный ущерб и пережить депрессивную фазу. Горевание превращает слепую ярость в созидательную рефлексию. Если Жирар гениально описал «первобытный» автоматический клеймительный инстинкт человечества, то Мичерлихи дали психоаналитический рецепт очеловечивания — через отказ от деструктивных проекций в пользу тяжелой, но спасительной внутренней работы горя. Это и есть она из тем телепроцесса, знаменующая Эпоху искупления для Палестинства.

В предложенной философской модели с метафорой внешнего врага — «Отца»-Израиля и психоаналитической теории Александра и Маргерет Мичерлихов (о кризисе авторитета и неспособности горевать) обнаруживается поразительная преемственность в понимании того, как коллективная психика инфантильно защищается от реальности. В обеих концепциях центральной фигурой становится фигура доминирующего Отца/Авторитета, которая определяет незрелость социума.¹ Понятие «Отца» у Мичерлихов — культ вождя и деиндивидуализация. В «Неспособность горевать» Мичерлихи исследуют немецкое общество после Второй мировой войны. Они вводят важнейшую психоаналитическую предпосылку: немецкий народ добровольно идентифицировал себя с фигурой «Отца» (Гитлера). Гитлер стал внешним Сверх-Я (Супер-эго) для миллионов людей, забрав на себя их личную моральную ответственность. Кризис авторитета наступил тогда, когда этот «Отец» потерпел тотальный крах и был развенчан как преступник. Последовала защитная реакция: вместо того чтобы пережить горечь утраты кумира и ужас от содеянного его именем (что требовало бы «работы горя»), общество ушло в глубокое отрицание и проекцию вины на внешние силы (союзников, геополитику). Родились люди Гитлера.¹¹ Мичерлихи называют это состоянием «психического оцепенения» — инфантильным отказом признать, что «Отец» был частью их собственного Я. 2. Модель «Отца»-Израиля в нашем понимании — внешнее проецирование у нас переносит эту же структуру на этнос, который сталкивается с экзистенциальным или историческим кризисом, но конструирует фигуру «Отца» совершенно иначе — не как внутреннего кумира, а как тотального внеш-

¹¹ «Люди Гитлера» (нем. *Die Suche nach Hitlers Volk*, англ. *Hitler's People*) — это двухсерийный немецкий документальный исторический проект 2015 года. Главная тема: Исследование того, как в нацистской Германии формировался и поддерживался культ личности Адольфа Гитлера. Вопрос преданности: Авторы анализируют, почему значительная часть немецкого народа сохраняла слепую лояльность и поддерживала фюрера даже в период тяжелейших испытаний и неминуемого военного краха. Источники: Фильм опирается на архивные документы, личные дневники современников, фотографии и редкие цветные видеоматериалы той эпохи.

него Врага. Роль «Отца»-Израиля здесь метафорична. В психоаналитическом смысле «Отец» — это инстанция, которая судит, карает, запрещает и, главное, отвечает за все беды. Назначая внешнюю силу (символического «Израиля» или любого другого Другого) виновником своих внутренних катастроф, этнос консервирует свою инфантильность. Это абсолютная аналогия жираровского «козла отпущения». Сообщество инфантильно считает: «Мы — невинные дети, а во всем виноват жестокий, карающий, чужой Отец». Точки пересечения здесь — кризис авторитета и возврат вины. Когда мы накладываем собственную модель на теорию Мичерлихов, траектория «выздоровления» общества выглядит следующим образом: 1. Разрушение проекции (Начало кризиса). Психологическое взросление этноса невозможно до тех пор, пока миф о виновности «Отца»-Израиля (внешнего врага) работает без сбоев. Кризис авторитета начинается тогда, когда внешняя проекция перестает объяснять внутренний упадок, и общество вынуждено признать: внешний враг не имеет отношения к нашим собственным порокам. Возврат вины внутрь как крах ложного эго. У Мичерлихов крах «Отца» приводит к меланхолии, так как рушится нарциссическое величие нации. В нашей философии возврат вины внутрь — понимание того, что «Отец»-Израиль не виноват. Палестинская община вдруг понимает, что она сама совершала насилие, сама запустила свои проблемы. Горевание тут — мост к зрелости, момент, который мы называем «переживанием и проживанием вины», у Мичерлихов он является «работой горя» (Trauerarbeit). Общество должно отгоревать потерю своей мнимой невинности. Происходит «смерть» инфантильного субъекта: этнос оплакивает то, какими чистыми и хорошими (героями, избранниками) они себя считали, пока перекладывали вину на внешнего «Отца». Связь между концепциями прямая: «Отец»-Израиль у нас — идеальный ментальный конструкт для избежания кризиса авторитета по Мичерлихам. Пока у этноса есть этот внешний объект для обвинений, ему не нужно проходить через мучительный процесс горевания и признания собственной тени. Искушение, по обеим теориям, начинается в точке «сиротства» — когда внешние враги и ложные вожди исчезают из уравнения, и общество остается один на один со своей подлинной историей.

Когда реальность становится невыносимой, включаются четыре ключевых механизма, блокирующих работу горя. 1. Дерезализация прошлого (Derealization) (преодоление принуждением к реальности). Психика защищается, делая недавние исторические преступления и катастрофы субъективно «нереальными». (Люди Гитлера). Как это работает: Прошлое не отрицается на словах («да, это было»), но оно полностью выхолащивается эмоционально. Человек начинает относиться к страшным событиям недавних лет так, будто это был сюжет фантастического фильма, чужой сон или то, что происходило не с ним, поскольку не способен принять правду. Следствие: настоящее отщепляется от прошлого. Возникает феномен «чистого листа» — общество ведет себя так, будто у него нет исторического шлейфа и груза ответственности (предопределенная историческая амнезия). 2. Маниакальное смещение энергии (Защитное усердие). Чтобы избежать депрессивную фазу горя, коллективное эго направляет всю свою психическую и физическую энергию во внешнюю, сугубо практическую деятельность. В послевоенной Германии Мичерлихи называли это «экономическим чудом» как защитой. Как это работает: люди уходят в фанатичный, круглосуточный труд: восстановление инфраструктуры, строительство, технологии, накопление капитала. Следствие: это не просто трудолюбие, а спасительное бегство, в социальное убежище. Пока руки и разум заняты чертежами, подсчетами и кирпичами, у психики физически нет ресурса остановиться и почувствовать внутреннюю пустоту, стыд или скорбь. Технический прогресс заменяет моральную рефлексивность (псевдосоциальное разрушение). 3. Диссоциация и «Психическое оцепенение» (Psychic Numbing). Происходит глубокое расщепление между когнитивным знанием и эмоциональным переживанием. Как это работает: человек способен перечислять факты катастрофы, называть цифры и даты, но при этом его лицо бесстрастно и чувства остаются абсолютно немymi, безучастными. Мичерлихи описывали поразительную эмоциональную уплощенность целого поколения — отсут-

ствие слез, подлинного раскаяния или ужаса при столкновении с документальной хроникой их собственных преступлений, чего с высокой долей вероятности следует ожидать от палестинцев. Следствие: полноценный возврат вины внутрь невозможен, так как чувства «заморожены» в психологическом параличе.

4. Защитная переоценка и Проекция (Замещение объекта). Когда скрывать факты катастрофы больше невозможно, запускается механизм экстренного спасения образа «Я» (себя). Как это работает: вина либо дробится и проецируется вовне (на союзников, на «обстоятельства», на законы истории), либо происходит моментальная смена идеалов. Вчерашние фанатичные приверженцы вождя («Отца») за один день превращаются в столь же фанатичных сторонников новой системы. Следствие: Мичерлихи подчеркивают: эта мгновенная переоценка ценностей — ложная. Она совершается не через осознание ошибок, а чтобы избежать меланхолии и поскорее слиться с новым, сильным «хозяином» положения, вновь избежав взросления и сиротства, цепляясь за нового хозяина, как за якорь спасения. Все эти механизмы Мичерлихов работают как психическая анестезия, спасающие общество от немедленного психотического срыва и массовых самоубийств в момент краха идеалов. Однако цена этой анестезии огромна: консервируется та самая инфантильная позиция и не более. Без проживания вины и тяжелой «работы горя» (Trauerarbeit) общество теряет эмпатию и способность к подлинной зрелости, что делает его уязвимым для новых кругов миметического насилия (без выхода из порочного круга дурной бесконечности Мукавама). Мичерлихи подчеркивают, что эта амнезия — не случайный провал в памяти и не биологическая забывчивость. Она структурно необходима и функционально предрешена самой психической системой. Если бы этой амнезии не случилось, коллективное эго просто разрушилось бы от нарциссического шока. Общество «выбирает» забыть, чтобы ментально уцелеть. Маниакальное смещение энергии в «созидательное разрушение» правомерно и приемлемо, но с важным психологическим нюансом. В классической экономике (Й. Шумпетер) «созидательное разрушение» — это снос старого ради инноваций. В данном контексте, применительно к Мичерлихам, термин обретает глубокий парадоксальный смысл: это созидание (строительство заводов, дорог, «экономическое чудо»), которое направлено на разрушение собственной памяти и рефлексии. Общество строит новое будущее с бешеной энергией именно для того, чтобы окончательно похоронить (разрушить) под этим фундаментом свое прошлое. Материальное созидание выступает инструментом морального уничтожения вины. В этом и есть глубинная суть процесса. Надо ли воспринимать это как «Имитационное перерождение» и можем ли мы интерпретировать его как рождение новой идентичности? В контексте теории Мичерлихов — нет, это не рождение новой идентичности, а её симуляция. И в этом заключается главная трагедия механизма. Если мы говорим на языке психоанализа, подлинное рождение новой идентичности требует «смерти» старого Я. А эта смерть невозможна без признания вины, разрушения нарциссизма и долгого, мучительного процесса горевания. Новая идентичность должна быть выстрадана. «Имитационное перерождение» — прямо противоположный процесс. Вот как его нужно интерпретировать в системе Мичерлихов: 1. Это «смена кожи», а не перерождение. Психическая структура человека (или этноса) остается прежней, инфантильной. Меняются только внешние атрибуты, лозунги и объект поклонения. Психика совершает этот кульбит с одной целью — защитить старое эго от трансформации. Вместо того чтобы измениться изнутри, субъект просто надевает маску новой идентичности, что имело место неоднократно в Метанарративе Палестинства. 2. Присвоение чужой субъектности. Общество, не пережившее работу горя, не может вырастить собственную новую идентичность, почему оно заимствует готовый шаблон у победителя или новой сильной стороны. Это не рождение своего, это мимикрия под чужое ради психологической безопасности (мы видели это в проекте Раваби Башара Масри «Мгла. Учение о ненависти Гл. 12-14»). 3. Консервация инфантилизма. При подлинном рождении идентичности человек (этнос) становится взрослым и берет ответственность за свое прошлое («Да, я был таким, я совершил это, и это моя боль»). При «имитационном перерождении» субъект заявляет: «Тот,

прошлый — это был не я, это был морок. А вот теперь я новый, чистый и ни в чем не виноватый». То есть, это способ купить невинность за дешево, без уплаты морального долга.

Интеграция концепций Рене Жиара, Александра и Маргерет Мичерлихов и нашей с психополитической теорией горевания Вамика Волкана позволяет выстроить завершенную, сквозную схему жизни, упадка и трагического перерождения этноса. Волкан с его концепцией — ключевой элемент этой цепи. Именно он перенес психоанализ горя на уровень больших групп и описал, что происходит, когда этнос сталкивается с «выбранной травмой» (chosen trauma) и неспособностью её оплакать. Соотнесение с концепцией горевания Вамика Волкана выгладит следующим образом. Стадия 1. Миметический кризис (по Р. Жирау) Суть: Внутреннее напряжение в обществе растет; этнос находит «козла отпущения» (внешнего «Отца»-Израиля), разряжая агрессию вовне и временно спасая себя от самоистребления. Соотнесение с Волканом: это стадия формирования «Нарциссизма малых различий» и базовой фиксации на образе Врага. Этнос подсознательно ищет чужака, чтобы сгрузить в него собственную деструктивность. На этом этапе община ощущает себя «абсолютно чистой и непорочной». Стадия 2. Механизмы психологических защит (по А. и М. Мичерлих) Суть: когда миф о собственной безупречности трещит под ударами реальности, включаются описанные вами механизмы: «Предопределенная историческая амнезия», «Созидательное разрушение как бегство в труд», «Моральный анабиоз» и «Имитационное перерождение». Соотнесение с Волканом: Волкан называет это «Кризисом горя» (Первая стадия горевания). Психика этноса яростно отвергает потерю своего грандиозного «Я» и своих идеалов. Защиты Мичерлихов — это и есть инструментарий волкановского группового отрицания. Общество отказывается переходить ко второй стадии — «работе преодоления» — потому что реальность слишком унижительна. Стадия 3. Патологическое неоплаканное горе (по В. Волкану) Суть (Медиатор схемы): если механизмы Мичерлихов работают слишком успешно, этнос консервирует травму. Горе становится неразрешенным, патологическим в коллективной памяти. Как это работает по Волкану: наступает «Трансгенерационная передача травмы» от поколения к поколению. Неспособность отгоревать унижение и крах идеалов приводит к тому, что ментальные репрезентации этой катастрофы встраиваются в идентичность детей как «Выбранная травма» (Chosen Trauma). Общество создает «Горячие монументы» (места памяти, сочащиеся непереработанной яростью и обидой). Происходит «Схлопывание времени» (Time Collapse): события тридцатилетней давности воспринимаются будто они случились сегодня утром. Этнос окончательно застревает в инфантильной позиции вечной жертвы карающего «Отца». Стадия 4. Тотальный разгром и Новая Идентичность (по нашей философе). Суть: пример Газы. Ситуация, когда «подпорки» Мичерлихов и мифы Волкана физически уничтожаются тотальным разгромом. Старая идентичность, построенная на «выбранной травме», больше не способна функционировать на пепелище. Соотнесение с Волканом: это момент перехода через его «Жесткие дары»¹². Волкан утверждал, что личностный (и коллективный) рост возможен только как тяжелейший результат преодоленного горя. Катастрофа полного разгрома насильно разрушает «горячие монументы» старых обид. Этнос падает в точку абсолютного сиротства. И именно здесь, когда «выбранная травма» больше не может питать этнос манией мести, а механизмы

¹² «Жесткие дары» (или «жесткие дары») — это психологическое понятие, сформулированное известным американским психоаналитиком и психиатром Вамиком Волканом в соавторстве с Элизабет Зинтл в книге «Жизнь после утраты». Этим термином называют личностный рост, внутреннюю трансформацию и психологическую зрелость, которые человек обретает в результате глубокого проживания и преодоления горя от потери близкого. Суть концепции: утрата близкого человека — это тяжелейший кризис. Однако, согласно теории В. Волкана, прохождение через «петлю потери» и успешное завершение процесса горевания приносят человеку вынужденные, но ценные изменения. Новая идентичность: переоценка ценностей, открытие в себе скрытых сил и ресурсов, о которых человек раньше не подозревал. Мудрость: более глубокое понимание жизни, сострадание к чужой боли и укрепление психологической стойкости. Слово «жесткие» подчеркивает, что эти внутренние дары человек никогда бы добровольно не попросил и предпочел бы никогда не сталкиваться с такой ценой за собственный рост. Но это то, что необратимо меняет личность к лучшему вопреки трагедии.

амнезии бессильны перед лицом руин, наступает Шумпетеровское созидательное разрушение. Вина и ответственность принудительно возвращаются внутрь субъекта. Из проживания этого тотального горя и сиротства рождается очищенная, взрослая, автономная Новая Идентичность. Если Жирар фиксирует грех (насилие), Мичерлихи — трусость (отрицание вины), а Волкан — болезнь (застывание в травме), то мы через образ катастрофы предлагаем радикальный метод исцеления. Новая идентичность этноса рождается не тогда, когда он побеждает «Отца»-Израиля, а тогда, когда он хоронит саму свою потребность иметь этого «Отца» в качестве виновника собственного бытия.

Таким образом, неспособность оплакать крушение идеалов и признать вину переводит этнос в состояние патологического группового горя по Волкану. Травма становится цементирующим элементом идентичности. Через «трансгенерационную передачу» непереработанная обида передается потомкам, превращаясь в «избранную травму» (Chosen Trauma), происходит схлопывание исторического времени. Этнос застревает в континууме вечной мести и претензий, поклоняясь «горячим монументам» своего прошлого, нарциссизм малых различий окончательно изолирует сообщество от реальности. Только катастрофа полного разгрома (пример Газы) принудительно демонтирует всю систему защит. Тотальный слом привычной реальности делает невозможными как дереализацию Мичерлихов, так и вулкановские мифы о вечной реактивной борьбе. Физическое уничтожение привычного мира аннулирует прежнего субъекта, как это имело место с Японией и Третьим Рейхом. Точка абсолютного сиротства обращает вину внутрь. Когда прежние сценарии приводят к пепелищу, этнос теряет возможность обвинять «Отца»-Израиля. Сообщество остается один на один с фактом собственного краха, что запускает Шумпетеровское «созидательное разрушение» на антропологическом уровне. Истинное рождение новой идентичности происходит через проживание тотального горя. Избавление от инфантильной позиции наступает не через декларации, а через экзистенциальное прохождение точки ноль. Новое Я этноса рождается как подлинная автономная субъектность, свободная от необходимости определять себя через фигуру Врага. Однако, в случае с Газой имеет место коллективная вина арабских стран, коалиции первой войны против Израиля и дальнейшей - оси и ЕС в поддержке палестинского сопротивления, обрекшего палестинцев на уничтожение Израилем при обороне. Коррекция неоспорима, радикально меняет и усложняет геополитический контур рассматриваемой модели. Если в первой итерации мы рассматривали Газу изолированно, то данное уточнение вскрывает общую коллективную вину внешних акторов, сделавшую катастрофу неизбежной. В этой парадигме Израиль — это не просто «Отец»-Израиль для палестинцев, а абсолютная точка реальности (оборона), столкновение с которой было предопределено чужой инфантильной игрой. Давайте пересоберем и скорректируем прежние тезисы с учетом этой взаимной вины. Скорректированный Тезис выглядит следующим образом. Коллективное инфантильное спонсорство объединило в коалицию Ось сопротивления и ЕС. Палестинское сопротивление стало прокси-инструментом для снятия вины и ответственности с внешних игроков. Начиная с арабской коалиции Первой войны (1948) и заканчивая современной «Осью» и европейскими институтами (ЕС), внешние силы использовали Газу как экран для собственных миметических войн.¹³ Инфантилизм внешних акторов был определяющим. Поддерживая прямо и косвенно милитаризацию и «сопротивление» Газы, они не решали гуманитарный или государственный вопрос палестинцев, покупая себе «моральное алиби» и геополитические очки. Финансирование и идеологическое одобрение «сопротивления» со стороны ЕС и Оси было классическим уходом от реальности. Они под-

¹³ Миметические войны (часто употребляется как меметические войны) — это современная форма Меметическая война информационной и психологической борьбы, в которой главным оружием выступают мемы, идеи, нарративы и короткие смыслы, быстро распространяющиеся в социальных сетях. Как это работает: Поле боя: Интернет-пространство, социальные сети и медиаплатформы. Цель: Контроль над общественным сознанием, подрыв доверия к оппоненту, навязывание выгодных идей и дестабилизация общества.

держивали конфликт, оставаясь в безопасной зоне и перекладывая всю тяжесть физического противостояния на население сектора, обрекая палестинцев на уничтожение при встрече с реальностью (Израиль при обороне). Внешняя поддержка создала ложную автономию и заблокировала работу горя. Пока ЕС слал субсидии, а Ось — оружие, у руководства и общества Газы работали механизмы Мичерлихов (маниакальное усердие в строительстве туннелей вместо государства). Внешние спонсоры консервировали палестинский инфантилизм, не оспаривая убеждение, что «Отца»-Израиля можно если не победить, то вечно терроризировать без фатальных последствий. Катастрофа явилась следствием чужой коллективной вины. Коалиция, Ось и ЕС буквально обрекли Газу на уничтожение, позволив сопротивлению дойти до радикального предела (экзистенциальной угрозы для Израиля), они привели Палестинство к точке, оправдав расчеты Синвара, где Израиль, включив механизм жесткой суверенной обороны, выступил как непоколебимая реальность. Произошло разрушение ложной идентичности. Израиль в акте самообороны уничтожает не просто инфраструктуру, а весь конструкт чужого спонсорства. Образовался новый финальный контур: искупление началось, когда вина обратилась внутрь. В вашей скорректированной модели возврат должен произойти на двух уровнях: 1. Внутри Газы: осознание, что «союзники» (Ось, арабские страны, ЕС) в который раз не спасли, а использовали их как расходный материал в своей инфантильной борьбе с Израилем. 2. Внутри коалиции спонсоров: когда ЕС, Ось и арабский мир увидели пепелище Газы, их механизмы дереализации должны рухнуть. Они должны пережить «работу горя» по поводу того, что их «гуманитарная» или «прокси» поддержка на самом деле сожгла целый регион, столкнув его с экзогенным ответом обороняющегося Израиля. Выявился институциональный тупик ЕС и коалиций, спонсорство ложного обнаружилось как историческая слепота консервацией палестинского «права на возвращение» как коллективного отказа от реальности. На протяжении десятилетий ЕС, арабские коалиции и исламистские оси поддерживали и финансировали палестинский нарратив о «праве на возвращение» (Right of Return) на территорию суверенного Израиля. По сути, международные институты легитимизировали и субсидировали фундаментальный экзистенциальный парадокс: палестинскому этносу вменялось безусловное право на заселенную землю, в то время как еврейскому народу в праве на его легитимную историческую территорию полностью и агрессивно отказывалось непризнанием этого права Палестинством и арабским миром. С точки зрения этики истории это беспримерная наглость, мы можем назвать это Палестинским парадоксом исторического нарратива Палестинства.

Правовой нигилизм исламизма — концептуальное отрицание радикальными исламистскими течениями светского права, государственных законов и международных правовых институтов. С точки зрения радикального исламизма, единственным легитимным источником правил и норм является божественное право (Шариат), а любые законы, созданные человеком, считаются по определению порочными и незаконными. Ниже представлены ключевые аспекты, проявления и последствия этого феномена. 1. Источники правового нигилизма в исламизме Доктрина Хакимийи (Верховенство Бога): Исламистские идеологи (например, Сайид Кутб) утверждают, что верховная законодательная власть принадлежит исключительно Аллаху. Светские парламенты и суды воспринимаются как узурпация божественных прав. 2. Деление мира. В радикальной оптике мир делится на Дар аль-Ислам (территория ислама, где действуют божественные законы) и Дар аль-Харб (территория войны/неверия), светские законы некоранического происхождения считаются частью «джахилии» — эпохи невежества и беззакония. 3. Отрицание концепции прав человека: универсальные права человека (в западном понимании) исламистами отвергаются, так как они ставят волю индивида выше религиозных догм и обязанностей перед общиной (Уммой). 4. Формы проявления: Правовой нигилизм исламизма выражается в двух основных плоскостях, как-то: сфера влияния и характер проявления правового нигилизма. 1. Внутреннее право государств: полный игнор или подрыв конституций светских стран (что мы наблюдаем при исламизации Европы). 2. Создание параллельных, теневых

структур правосудия (шариатских судов) внутри немусульманских или умеренно-мусульманских государств (параллельные сообщества)¹⁴. Международное право: непризнание институтов ООН, международных договоров, границ и конвенций. Исламистские группировки (такие как ИГИЛ или Аль-Каида) считают международное право продуктом «западного колониализма». Последствия для общества и государства: а) Разрушение правосознания: У последователей формируется стойкое пренебрежение к светским законам (от правил дорожного движения до уголовного кодекса), если они не подкреплены религиозной санкцией. б) Легитимизация насилия. Поскольку государственные суды и полиция признаются «незаконными», исламисты оправдывают самосуд, терроризм и вооруженную борьбу (террор, бандитизм) как акты установления «истинной справедливости». с) Кризис интеграции: в странах с мусульманскими меньшинствами правовой нигилизм блокирует интеграцию мигрантов в правовое поле принимающего государства, создавая изолированные анклав. Правовой нигилизм исламизма — не просто отсутствие правовой культуры, а осознанная политико-идеологическая позиция, направленная на демонтаж существующей светской правовой системы. Правовой нигилизм и международное право отказ в признании Израиля его права на существование — камень преткновения. В политологии и международном праве отказ исламистских движений (и ряда арабских государств) признавать право Израиля на существование рассматривается как концептуальный правовой нигилизм по отношению к системе ООН. Эта позиция строится не на спонтанном нарушении законов, а на системном отрицании самой легитимности современного международного порядка, сформированного после 1945 года. Эксперты в области права и международных отношений разделяют этот феномен на несколько ключевых аспектов. 1. Отказ от принципа суверенного равенства государств. Устав ООН базируется на принципе суверенного равенства всех его членов. С точки зрения международного права, Израиль — полноправный член ООН с 1949 года. Позиция исламизма: радикальные палестинские фракции (в частности, ХАМАС) и их идеологические союзники противопоставляют этому принципу концепцию «исламской земли» (Вакф), которая, по их убеждению, не может быть передана под суверенитет немусульманского государства. Правовой нигилизм здесь проявляется в том, что религиозно-политическая доктрина ставится выше императивных норм международного права (*jus cogens*) и решений Совета Безопасности ООН. 2. Отрицание Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181. Современное международное право выводит легитимность существования как еврейского, так и арабского государств на территории Палестины из Плана ООН по разделу Палестины 1947 года. Идеологический отказ: позиция непризнания Израиля базируется на тезисе, что ООН не имела юридического и морального права распоряжаться судьбой территории вопреки воле ее арабского населения. Соответственно, создание Израиля объявляется «первородным грехом» международно-правовой системы, а значит, любые вытекающие из этого обязательства и договоренности признаются ничтожными. 3. Инструментальное отношение к международному праву. Правовой нигилизм исламистских сил в вопросе права Израиля на существование носит избирательный характер: с одной стороны, они полностью отвергают нормы, защищающие суверенитет и безопасность Израиля (например, право государства

¹⁴ Параллельные сообщества (от английского *parallel society*) — термин, используемый преимущественно в западной социологии, политологии и культурологии, под которым понимается феномен (явление) существования внутри национальных государств сообществ (или общин), которые плохо натурализуются, сохраняют свои национальные обычаи и традиции, культуру, веру. Основное отличие параллельных сообществ от других типов комьюнити (в том числе, национальных) состоит в том, что ценности параллельных сообществ вступают в конфликт (противоречие) с принятыми в обществе социальными нормами. Параллельные сообщества (или параллельные общества) — это группы людей, которые живут внутри большого государства, но сохраняют свои законы, язык, культуру и правила, почти не смешиваясь с остальным населением. Главные черты Автономия: Свои магазины, школы, суды чести и религиозные институты. Изоляция: минимум контактов с внешней культурой и законами страны пребывания. Свои ценности: Внутренние нормы часто важнее государственных законов. Примеры в истории и мире Иммигрантские анклав: Районы в крупных городах (например, чайнатауны или закрытые кварталы мигрантов в Европе), где люди живут по традициям своей родины.

на самооборону по статье 51 Устава ООН).С другой стороны, те же структуры активно апеллируют к международному гуманитарному праву, решениям Международного суда ООН и резолюциям, осуждающим действия Израиля (например, в вопросах строительства поселений или статуса Иерусалима). **Такой подход международные юристы называют инструментализацией права: международные нормы признаются и используются только тогда, когда они служат целям политической борьбы, и полностью игнорируются, если они накладывают встречные обязательства.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.